

АНДРЕЙ БУТОРИН

Джинни
из
лампочки

Андрей Буторин

Джинния из лампочки

<https://litres.ru/73581048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Потеряв в железнодорожной катастрофе родителей, двадцатилетний Генка Турин один воспитывает сестренку-подростка – непослушную Юльку. Но появившаяся из обычной электролампочки красавица-"джинния" в корне меняет течение жизни. Генка с удивлением узнает, что "звездные войны" не только название фантастического фильма, но не менее фантастическая реальность. В интриги запутанной галактической игры втянуты теперь и брат с сестрой, а "джинния из лампочки", оказавшаяся принцессой одной из звездных империй, становится их верной подругой.

Роман под названием "Наследница престола" издавался в 2005 году в издательстве "Альфа-книга", данный же вариант – его отредактированная авторская версия с оригинальным авторским названием. Тщательной редактуре в первую очередь сейчас была подвергнута стилистика, описанные же бытовые реалии оставлены в том виде, какими они были в начале века.

Содержание

Пролог	5
Часть I. Джинния из лампочки	14
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	74
Глава 9	83
Глава 10	92
Часть II. Поезд дальнего следования	103
Глава 11	103
Глава 12	112
Глава 13	120
Глава 14	126
Глава 15	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Андрей Буторин

Джинния из лампочки

Жене Марине посвящается

Всех нас зовут зазывалы из пекла —
Выпить на празднике пыли и пепла,
Потанцевать с одноглазым циклопом,
Понаблюдать за всемирным потопом.

В.С. Высоцкий. Набат

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком,
Потому что любовь – это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далеком.

В.С. Высоцкий. Баллада о времени

Пролог

Черное августовское небо было бы действительно черным, не сочись оно призрачным светом мириад искорок-звезд. Под таким небом хорошо мечтать, лежа в копне сена и покусывая пахучую сухую травинку. Куда хуже падать с него, нарушая огненным росчерком звенящую тишину звездной симфонии.

И все же что-то с этого неба падало. Прочертив тонкую, яркую дугу над спящим городом, падающее «нечто» скрылось меж каменными коробочками домов. Произошло это на удивление тихо, без ожидаемого грохота взрыва, без малейшей вспышки. Любому стороннему наблюдателю это, безусловно, показалось бы странным. Но свидетелей непонятого явления не было. По крайней мере на земле. Зато там, в вышине, кто-то решил повторить действие, и через пару-тройку секунд все произошло, как при кинематографическом повторе: снова яркий росчерк по той же, что и в первый раз, траектории. И вновь все случилось в полной тишине.

Хорошо, что стояла глухая ночь, – магазин, разумеется, не работал. Иначе покупателей и продавцов ожидало бы немалое потрясение: сквозь стеклянную витрину «Товаров для дома» ворвался огненный сгусток величиной с шарик для пинг-понга, но яркий, как кусочек солнца. Зависнув над цен-

тром торгового зала, шарик начал стремительно расти, распухать, грозя, казалось бы, неминуемым взрывом. На самом же деле огненная клякса приняла очертания человеческой фигуры, а еще через мгновение в зале стояла рыжеволосая, под цвет недавнего шарика, женщина в длинном, ярко-алом, сверкающем переливами драгоценных украшений платье и в таких же алых, с изящными и очень длинными носами, сапожках. Она была словно живым воплощением родившего ее пламени.

Происшествие на этом не закончилось. Не успела женщина-пламя сделать первый вздох, как в магазин через ту же витрину ворвался еще один огненный шарик. Женщина ахнула и метнулась в сторону. Увидев перед собой дверь, она стремительно распахнула ее и влетела в открывшееся темное помещение, бывшее магазинным складом.

Из второго сгустка пламени появилась еще одна фигура – на сей раз мужская. В отличие от огненной женщины, мужчина был одет во все черное. Черные длинные волосы обрамляли его бледное лицо, казавшееся по контрасту с остальным ослепительно-белым пятном.

Завершив чудесное превращение, мужчина крутанул головой влево-вправо, развернулся на каблуках, взмахнув при этом лапами плаща, словно ворон крыльями, и хищно потянул носом воздух. А затем уверенно направился к двери в склад.

Войдя туда, он на мгновение застыл, вновь принялся

и торжествующе зарычал. Судя по всему, обоняние вполне заменяло ему прочие органы чувств, не действующие при определенных обстоятельствах. В данный момент таким обстоятельством была крошечная тьма.

Легкое шуршание складок плаща указывало направление его движения. Огненноволосяя женщина, прятая за стеллажами с коробками, поняла, что мужчина идет именно к ней. Она обладала не менее развитыми органами чувств, да и физической силой наделена была немалой, поскольку брошенная ею первая попавшаяся под руку коробка попала точнехонько в голову мужчине.

По складу пронесся тихий металлический звон – в коробке, видимо, хранились гвозди или шурупы – почти заглушенный ревом ушибленного преследователя. Женщина тут же схватила вторую коробку и швырнула следом за первой. На сей раз звон имел стеклянный характер – тонкий, нежный, даже немного жалобный – скорее всего, его издавали бьющиеся электролампочки. Рев мужчины изменился, звучал теперь торжествующе-довольно – лампочки все же полетели гвоздей.

Но радовался он преждевременно. Преследуемой повезло: она напала на целый штабель металлических банок с краской, и мужчине пришлось туго, поскольку интервал между летящими в него банками был не больше секунды. Черный прищелец задействовал на полную мощность осязание и слух, поскольку лишь колебания воздуха да лег-

кий свист говорили ему, откуда ждать опасности. Впрочем, обоняние тоже включилось быстро: очередная банка, попав мужчине точно в середину лба, раскрылась, и густая маслянистая жидкость потекла с головы на плащ, насытив воздух едким запахом.

Теперь преследователь уже не просто рычал, а кричал и вопил, прерываясь лишь на то, чтобы выплюнуть попадавшую в рот краску. Но при этом упорно двигался вперед, неотвратно приближаясь к забившейся в угол жертве, у которой остались под рукой лишь две банки с краской, рулон обоев и круглая малярная кисть.

Наконец последние «снаряды», отрикошетив от черепа мужчины, укатились в темноту склада. Обои, наполовину размотавшись, повисли над стеллажами невидимым транспарантом. Женщина застыла в опустевшем пространстве, выставив перед собой, подобно кинжалу, малярную кисть.

Мужчина, убедившись, что в прямом и переносном смысле зажал противника в угол, перестал рычать. Он громко захохотал и начал понемногу светиться – не в фигуральном смысле, от радости, а по-настоящему, в видимом волновом диапазоне, ближе к красной его части. Свечение все нарастало, вскоре в помещении можно было читать крупно набранные надписи на этикетках.

И тут мужчина заговорил. На Земле существует столько языков, что лишь незначительную их часть мы слышали хотя бы раз в жизни. Но эта речь сразу показалась бы нам

неземной – настолько чуждой была она человеческому слуху. Смысл же произнесенного в переложении на родной, великий и могучий сводился к следующему:

– Ну что, далеко убежала? Хотя, не спорю, далеко, в пого-не за тобой даже моя Сила почти иссякла. Только сейчас, как видишь, она стала восстанавливаться. А вот твоей лишь на швыряние какого-то хлама хватило. До чего ты докатилась, Марронодарра! Где же твоя хваленая Сила? Что же ты не не распылишь меня на атомы?

Женщина ответила ему. Язык остался тем же, неземным, но голос звучал пением райских птиц, звенел весенним ручейком:

– Я не привыкла убивать, Герромондорр! Даже таких негодяев, как ты! А моя Сила – всегда со мной. Пусть ее сейчас не так много, но она никогда не иссякнет до конца. Скоро она восполнится, и тогда...

– И что тогда? Ты же не привыкла убивать!..

Тот, кого женщина назвала Герромондорром, раскатисто захохотал. Но вскоре оборвал смех и злобно зашипел:

– У меня сейчас и впрямь мало Силы, но ее как раз хватит, чтобы успокоить тебя на время. До местного полудня я успею восстановиться, и тогда мы с тобой отправимся ко мне в гости. Надеюсь, втайне ты всегда мечтала стать моей послушной рабыней, исполнять мои маленькие прихоти...

Договорить он не успел – волосяная часть малярной кисти ткнулась ему прямо в раззявленный рот.

Это был последний выпад загнанной в угол женщины. В следующее мгновение из черных, пустых как Ничто глаз Герромондорра вырвались два тонких огненных луча и вонзились в ее тело. Марронодарра вздрогнула, как от удара током, засветилась и стала быстро превращаться в подобие шарика для пинг-понга, залетевшего минутами ранее в магазин. Вскоре шарик утратил огненную яркость и напоминал уже бледное облачко дыма, зависшее в полуметре от пола.

– Куда бы тебя деть? – Герромондорр выплюнул кисть и завертел головой. – Ага, вот как раз то, что нужно!

На глаза ему попала злополучная коробка с лампочками, часть из которых разбилась при столкновении с его головой. Но и целых было еще много. Герромондорр взмахнул руками подобно дирижеру. Коробка медленно поднялась в воздух, зависла, слегка покачиваясь, и плавно опустилась на полку стеллажа. Из нее выпорхнула лампочка в гофрированной картонной упаковке и закружилась в плавном, завораживающем танце.

Маленькое облачко, бывшее совсем недавно огненно-волосой красавицей, поддавшись чарам, поплыло навстречу лампочке – сначала медленно, будто нехотя, затем все быстрее и быстрее. Вот оно уже слилось в продолжающемся танце со стеклянно-картонным партнером. Странная пара закружилась вокруг общей оси, стремительно набирая обороты.

По складу разнесся гул. Запахло озоном. Впрочем, им пахло еще с тех пор, как Герромондорр испустил из глаз лу-

чи, – просто сейчас запах перебил даже ароматы лакокрасочных изделий. А потом все резко стихло. В воздухе висела электролампочка. Только теперь она казалась матовой из-за переместившегося внутрь неповрежденной колбы маленького бледного облачка. Затем она аккуратно опустилась в коробку.

Герромондорр – главный дирижер произведенного шоу – покачнулся. Он был смертельно бледен. Из-под запачканного краской плаща клубился легкий парок. Последнее действие отняло у него остаток Силы. В помещении вновь стало темно.

На негнущихся ногах Герромондорр медленно, продолжая покачиваться, направился к выходу из склада. Сначала он даже подумывал о том, чтобы завалиться на какой-нибудь стеллаж, но решил все-таки, что это будет совсем уж унижительно для него. Надо выбраться в город и подыскать более подходящее для отдыха место.

Подергав входную дверь и поняв, что замок ему не сломать, он, теряя последние крупницы Силы, превратился в мутный туманный сгусток и вытек через оплавленное по краям отверстие в стекле витрины. На свежем ночном воздухе ему стало чуточку лучше. Он снова обрел человеческий облик, вдохнул полной грудью воздух, слегка переобогащенный, на его вкус, кислородом, и неспешно зашагал, уже не качаясь, по освещенному редкими фонарями тротуару.

Место для ночлега Герромондорр так и не успел найти. Очень скоро из-за темного куста его окликнул подростковый, с пробивающейся хрипотцой голос:

– Эй, дядя, огонька не найдется?

Герромондорр понял смысл сказанного, так как вообще был очень способным к языкам. Разумеется, ему хотелось дать незнакомцу такого «огонька», чтобы испепелить того мгновенно на месте. Но Силы для этого уже не было. Ее не хватило бы даже на то, чтобы вступить в рукопашный бой. Вопреки собственным принципам – никогда не подавать милостыню нищим и вообще никому не помогать безвозмездно, – он протянул к незнакомцу палец, дабы явить из него искру.

Незнакомец же – на самом деле их было трое, двое других прятались сзади в тени – понял его жест по-своему. Он стремительно бросился под ноги Герромондорру, сбил его на землю, свистнул, подзывая приятелей, а потом град шести кулаков и стольких же ботинок обрушился на поверженное тело.

После пары минут веселой молотьбы кто-то из троицы ахнул:

– Мужики, у него кровь зеленая!

Двое других, по инерции пнув распростертое на асфальте тело еще по разу, остановились, приглядываясь.

– Да не, это отсвечивает от кустов... – неуверенно протянул один.

– Отсвечивает?! Да она сама светится! – взвизгнул, отпрыгивая, второй.

Все трое попятились. А тело, которое они только что пинали, стало вдруг, шипя, съеживаться, словно сало на сковороде; от него потянулась струйка зеленоватого, светящегося дыма с мерзким запахом паленой шерсти, серы и масляной краски. Через минуту на асфальте тускло отсвечивала в неверном свете далекого фонаря небольшая лужица разноцветно-игривых, радужных оттенков.

Часть I. Джинния из лампочки

Глава 1

Генка проснулся от свирепого девичьего вопля:

– Ты когда вкрутишь в туалете лампочку?!

Он перевернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. Но крик сестры не стал менее пронзительным:

– Мне надоело испражняться в темноте!

Генка понял, что поспать уже не удастся. Он отбросил одеяло и рявкнул:

– Это что еще за выражения?!

Рыжая Юлькина голова просунулась в дверь его комнаты:

– Какие выражения, ты, лодырь? Вот были бы живы мама с папой...

– Стоп! – отрезал Генка, вскакивая с дивана. – Запретная тема! Их нет, так что давай разбираться сами.

– Сами... – Юлька всхлипнула. – Ты даже лампочку вкрутить не можешь!

– Вкручу! А вот выразаться непотребно все же не стоит.

– Да как я выразилась-то?! – округлила глаза Юлька.

– Ты сказала: испражняться... – потупился застенчивый Генка.

– А как я должна была сказать? Ну-ка, озвучь!

– Отставить! – завопил Генка. – И вообще, нечего на меня пялиться – видишь, я не одет!

– Ой-ей-ей! – замотала головой сестренка. – В трусах и в майке – и не одет! Ты еще лыжи нацепи!

– Ты как разговариваешь со старшим братом?! – всерьез рассердился Генка. – А ну брысь из моей комнаты!

Пока одевался, раз пять тяжело вздохнул, думая о сестре. Вон какая уже деваха вымахала – скоро пятнадцать. А ему всего двадцать. Ну какой из него воспитатель? А куда деваться? Что тут поделаешь, если полтора года назад судьба выкинула такой жестокий фортель.

Он тогда служил в армии. Как раз на присягу и ехали к нему родители. Поезд должен был прийти ночью. С самого подъема Генка ходил радостный в предвкушении скорой встречи. Да что там ходил – летал! И не он один – еще к восьмерым пацанам из учебки ехали этим же поездом родные, друзья, невесты...

Повезло лишь тем пятерым, к которым родные летели самолетом, и тем, к кому вовсе никто не собрался. Потому что поезд не пришел. Толком никто ничего не знал, а командиры если и знали – помалкивали.

Присягу Генка и восемь его товарищей принимали без всякого настроения, «на автомате» – мысли были об одном: где же те, кто должен был приехать?.. Конечно, страшные мысли тогда еще в голову не приходили: все надеялись, что

хоть и с опозданием, но долгожданное свидание состоится – может, прямо сейчас, после присяги, может, чуть позже...

А вечером их девятерых вызвал к себе командир части. Предложил присесть, приказал ординарцу налить всем чаю. В приемной маячила фельдшерица из здравпункта. А командир все ходил взад-вперед по кабинету и молчал, молчал, молчал... Каждым шагом словно заколачивал острый гвоздь в гроб последней Генкиной надежды. Оказалось, и правда – в гроб...

Поезд потерпел крушение. Генкины родители погибли. Погибли и те, кто ехал к его новым друзьям. Восьмерых отпустили домой на похороны. Генку отправили насовсем: у него осталась Юлька – тринадцатилетняя сестренка. И больше никого в целом мире – ни бабушек, ни дедушек, ни дядей-тетей. Так уж распорядилась судьба. Но он все равно был ей благодарен – хотя бы уже за то, что в том страшном поезде не оказалось Юльки. А ведь поначалу и она собиралась с родителями, но поехала с подругой на дачу. Потом, умытая слезами, рассказывала, как папа и мама были против, как подружкины родители приходили их упрашивать, обещая, что с ней ничего за две недели не случится, что их дочка весь год мечтала, как они отдохнут вместе...

Юлька рыдала, вспоминая мамины слезы при расставании. Даже папа подозрительно отвел глаза в сторону. «Они все чувствовали, чувствовали! – голосила сестра. – Почему я не поехала вместе с ними?!»

«Как хорошо, что ты не поехала! – сказал тогда Генка, прижав к себе рыдающую сестренку. – Что бы я теперь делал один?»

Да уж, эти полтора года скучать ему не приходилось. Он постарался стать для Юльки и мамой, и папой, и остаться братом. Может, не всегда получалось так, как хотелось бы, но выжили ведь. Юлька одета-накормлена, учится более-менее, почти без троек. С дурными компаниями вроде пока не связалась, тьфу-тьфу-тьфу!.. Самому Генке, правда, пришлось оставить до «лучших времен» мечту о высшем образовании, престижной работе, забыть о личной жизни. На могиле родителей он поклялся, что выведет Юльку в люди, что пока не сдаст ее в надежные руки будущего мужа – будет заботиться о ней. И клятвы своей он пока не нарушил. Ну, лампочка в туалете не в счет.

Завтрак на сей раз приготовила Юлька. Они договорились с сестрой, что в будни, раз ему все равно рано вставать на работу, готовить будет Генка, а уж в выходные она даст ему поспать. И вот – нате вам! Из-за какой-то перегоревшей лампочки подъем в девять утра!..

Юлька ела, уткнувшись носом в газету. Дурная привычка досталась ей от папы, почему Генка с ней и смирился. И зря! Сестренка вдруг фыркнула, разбрызгав чай по столу. Брызги полетели на Генкины лицо и рубашку.

– Да ладно, Гендос, не сердись, – отсмеявшись и откаш-

лявшись, примирительно загундела Юлька. – Я тут смешной факт прочла. Географическая новость! Ты и не знал, наверное? – Сестра хитрюще сощурила глазки, зная, что география Генкин конек.

Он неторопливо вытерся полотенцем, с сожалением посмотрел на испорченную рубаху, тяжело вздохнул, но все-таки взял себя в руки и, стараясь быть невозмутимым, спросил:

– Чего там?

– Ты знаешь, почему мыс Доброй Надежды называется именно так? – с загадочной интонацией проговорила Юлька.

– Моряки надеялись на лучшее, проплывая мимо, – пожал он плечами.

– А вот и нет! – залилась сестра колокольчиком. – Там жила девушка Надя, которая не могла отказать ни одному матросу!

– Ну, знаешь, это уж слишком! – отбросил Генка в сторону полотенце. – Все, я пошел в магазин за лампочкой, а ты прибери здесь все это непотребство, – обвел он рукой залитый стол. – И прекрати читать похабные бульварные газетенки! Я же тебе выписал «Комсомолку»!

– А это, по-твоему, что? – Юлька сунула ему под нос газету с пятью орденами на первой полосе.

– Ну, я не знаю тогда! – развел он руками. – Докатились! О чем тогда пишут в желтой прессе?

– О... – начала Юлька.

– Не надо! – решительным жестом остановил ее Генка.

Сменив липкую рубашку на почти еще чистую футболку, он отправился в магазин.

На подходе к «Товарам для дома» Генка увидел, что в магазине творится бедлам. Всплескивая руками, бегали по залу продавщицы. Покупателей не наблюдалось, кроме двух в милицейской форме. А вот и милицейский уазик у крыльца...

Замедлив шаг, Генка по инерции дошел до витрины, уже понимая, что лампочку он сейчас вряд ли купит: в магазине определенно что-то случилось. Тут же получил и подтверждение собственным мыслям – прямо посреди витрины в толстом стекле зияли два оплавленных по краям отверстия сантиметра по три в диаметре. «Стреляли, что ли? – подумал он. – Для пуль, пожалуй, дырки великоваты. Да и края оплавлены. Странно...»

Тут его заметила Люська Мордвинова – бывшая одноклассница, а теперь продавец продырявленного магазина. Некрасивая толстушка выглядела сейчас еще более некрасивой: красные испуганные глаза, ярко выделявшиеся на побледневшем лице прыщи.

Узрев его через стекло, Люська попыталась улыбнуться и помахала рукой. Генка глазами спросил: что тут, дескать, случилось? Люська опасливо пожала плечами, покосившись на милиционеров в глубине зала. Те как раз подходили к две-

рям складского помещения, и Люська изобразила пальцами, что сейчас выйдет.

– Привет, Люся! Что у вас стряслось? – спросил Генка, когда она показалась на крыльце и попыталась прикурить прыгающую в губах сигарету. В конце концов та вылетела из дрожащих губ и откатилась в лужу. Люська выругалась. Генка произвольно поморщился.

– Ген, прости, – всхлипнула одноклассница. – У нас тут такое... – Она по-мужски высморкалась, отчего он внутренне содрогнулся, и продолжила: – Ночью кто-то весь склад раздолбал! Все раскидано, краской залито... Кошмар! Но самая-то... ерунда, – запнулась, подыскивая приличное слово, Люська, – что все замки и контрольки целы. И сигнализация не сработала!

– Так в витрине же дырки, – ткнул он пальцем в стекло.

– Не сработала! – с непонятым восторгом замотала головой Люська.

– Парадокс... – выдохнул Генка.

– Ты вроде раньше не матерился?... – удивилась одноклассница и тут же забеспокоилась: – А чего пришел? Надо что-нибудь?

Люська, хоть была некрасивой и не очень, мягко говоря, умной, отличалась удивительной добротой и сочувствием к людям. Генку же после трагедии с родителями жалела до глубины души и старалась всегда помочь: где баночкой краски со скидкой, где теми же лампочками. По великой доброте

душевной готова была и на большее – даже намекала порой ему на это почти в открытую, но он делал вид, что намеков не понимает, а сам при этом мысленно крестился.

И сейчас она готова была броситься на помощь, не раздумывая. Но Генка только отмахнулся:

– Да чего уж тут, раз такие дела...

– Говори-говори, Геночка! – закудахтала Люська. – Чем могу – помогу! Говори!

Видя, что та все равно не отвяжется, Генка признался:

– Лампочку хотел купить.

Люська хитро прищурилась и задрезжала, хихикая:

– А я как чувствовала, что тебе лампочки понадобятся!

Еще до приезда ментов увидела на складе коробку с семидесятипятками, наполовину битыми, отобрала с десяток целых... Все равно ведь спишут, – торопливо добавила она, увидев, что он в ужасе замотал головой. – Это ж не ворованные, ты че? Это бой!

– Я лучше потом приду и куплю, – вставил наконец слово Генка.

– Никаких потом! Стой! Сейчас...

Люська, перепрыгнув через две ступеньки, коlobком покатила в магазин. Через пару минут вернулась злая и красная.

– Девки... заразы! Сперли уже все! Одна вот осталась. Матовая только почему-то... – Она достала из кармана халата лампочку в гофрированном картоне и протянула Генке. – Я

не проверяла, правда, если что – приходи попозже... У, заразы, воровки! У своих же прут! Менты уедут – я им устрою иллюминацию!

Генка слегка удивился, что в лексиконе бывшей одноклассницы отыскалось столь сложное слово. Вслух же сказал:

– Спасибо, Люсь! Правда, не стоило так беспокоиться. Ну, я пошел.

– Может зайти вечером, помочь чем? Юлька дома будет?

– Юля будет дома, – нарочито отчетливо произнес он. – Спасибо, ничего не надо, сами справимся.

– Сами, сами... С усами, – наконец-то закурив, пробурчала Люська, когда Генка отошел на приличное расстояние. – Бабу тебе надо, Геночка. Ой, надо!

Глава 2

Лампочка вызвала у него подозрение, едва он вынул ее из упаковки. Да, она казалась матовой, но еще больше было похоже, что внутри колбы – белесый туман. «Похоже, брак, – подумал Генка. – Наверняка герметичность нарушена».

За отсутствием альтернативы он все-таки решился на испытание. Ввернув лампочку, вышел из туалета и потянулся уже к выключателю, как из комнаты вынырнула Юлька и завопила:

– Ты что, не чувствуешь?! Нюх потерял?! У тебя же картошка горит!

Генка, забыв о лампочке, метнулся на кухню. Из-под крышки сковороды действительно струился вонючий дымок. Надеясь спасти хотя бы часть блюда, он голой рукой схватил горячую крышку и заплясал с ней по кухне, шипя от боли. Наконец догадался швырнуть злополучную крышку в мойку, разбив там попутно тарелку. Картошка продолжала шипеть, причем все более угрожающе.

Он заметался. Схватил зачем-то осколки тарелки, снова бросил их в раковину, кокнув лежавший в ней стакан. Это Генку окончательно добило. Он впал в ступор. А кухня заполнялась дымом.

И тут завопила Юлька – страшно, истошно. Он, так и не выключив плиту, кинулся к сестре. Та сидела на полу перед

открытой дверью туалета, продолжая кричать. Свет в туалете не горел, но и так было видно, что там кто-то есть. Этот «кто-то» сидел на унитазе и тревожным женским голосом отчаянно чирикал:

– Чу-ту чив-чив м-м-нна-тач чава чу-ту-ту-ту! Чиу-чив, чу-ту, ти-ти-ти-сок! Сок-сок-сок чу-у-у!

Генка даже заслушался. К тому же засмотрелся: фигура на унитазе загадочно и красиво переливалась всеми цветами радуги, словно осыпанная бриллиантами.

Налюбоваться зрелищем всласть ему не удалось. Юлька, перестав вопить, вскочила на ноги, судорожно захлопнула дверь в туалет и потащила его за руку подальше от странного явления – в задымленную кухню. Там ее сразу охватил кашель, она замахала руками, из глаз брызнули слезы. Собралась было рвануть обратно, но, вспомнив, видимо, что придется пробежать мимо туалета, вместо этого ринулась к окну и распахнула его настежь.

– Ты куда?! – испугался Генка. – Четвертый этаж!

– Ты дурак, да?! – заревела Юлька. – Я проветрить!

Только теперь он наконец-то вышел из ступора. Быстро выключил плиту; вооружившись тряпкой-прихваткой, схватил чадающую сковороду с картофельными углями, швырнул все в раковину, разбив еще одну тарелку, и открыл на всю катушку кран с холодной водой.

Сковорода гневно зашипела, стреляя брызгами черного масла. Кухня окуталась паром. Впрочем, где дым, где пар

было уже не разобрать.

Но раскрытое окно сделало свое доброе дело: воздух в кухне постепенно обрел приемлемую прозрачность. Они с сестрой, откашлявшись, испуганно посмотрели друг на друга.

– Кто там?!.. – зашипела Юлька почти как чуть ранее скворода.

– А я почему... – начал было Генка.

– Ты что, привел бабу?! – Казалось, еще чуть-чуть – и Юлька тоже начнет плевать раскаленным маслом. – Ты же обещал мне не водить их сюда!

– Юлька, опомнись! – легонько встряхнул он сестру за плечи. – Какие бабы? Ты же видела, что я пришел из магазина один. Только ты могла впустить ее, пока меня не было.

– Я никого не впускала! – поумерила пыл Юлька, но подумав секунду-другую, зашипела опять: – Она у тебя, может, с ночи пряталась! Чего ты не пускал меня утром в комнату?

– Ты думай, что говоришь! – вспыхнул Генка. – В конце-то концов, пойдем и спросим у нее, кто она такая и что здесь делает... Кстати, а что она делает в нашем туалете?

– Стихи сочиняет! – скривилась Юлька. – Под журчанье унитаза пишется легко!

– погоди... – задумался он. – Когда я вкручивал лампочку, там никого не было.

– А когда я туда зашла – она была!

– Постой-постой! Ты включала лампочку?

– Ну конечно! Только ни фига она не включилась – вспыхнула и погасла сразу. Ты даже лампочку нормальную купить не можешь!

– Юля, помолчи, пожалуйста! – прикрикнул Генка. Потом вспомнил, что в квартире они не одни, и зашептал, наклонившись к уху сестры: – Сдается мне, что она – из лампочки!

– Ага, джинн из лампы! – хмыкнула Юлька. – Ты за кого меня держишь, Гендос?

– Тогда уж не джинн, а джинниня, – поправил Генка. – Ты бы лучше не смеялась. Ведь не знаешь, что случилось в мага...

Договорить он не успел. Дверь в кухню распахнулась, и на пороге возникла...

Генка даже зажмурился от блеска и красоты появившейся женщины. Будто само солнце втиснулось в маленькую кухню! Его, словно и впрямь опаленного солнечными лучами, бросило в пот. Юлька, напротив, широко распахнула глаза, а вместе с ними и рот. Тотчас осознав, что с разинутым ртом выглядит по-дурацки, сделала вид, что раскрыла его по делу:

– Что вы здесь делаете... мадам?

Почему у нее вырвалось именно это слово, она не смогла бы объяснить. Видимо, блеск незнакомки – во всех смыслах слова – сыграл свою роль.

– Мадам... здесь... – четко выговаривая слова, ответила та и улыбнулась.

Генка позволил себе приоткрыть один глаз. В поле зрения

попала огненная шевелюра гостьи. Он поспешно захлопнул глаз снова, но, собравшись с духом, тут же раскрыл оба. Женщина продолжала сиять. Да какая там женщина – она вряд ли старше его! Не женщина, а... самая прекрасная девушка на свете! Если только это не сон...

«И не надейся, слишком уж ярко для сна!» – саркастично отреагировал мозг. А вслух Генка сказал:

– Простите, вы говорите по-русски?

Незнакомка, продолжая улыбаться, перевела взгляд прекрасных карих глаз на него. И трогательно пожала плечами:

– Мадам... говорите...

– Ясно, не понимает, – вздохнул Генка.

– Не понимает... – эхом откликнулась девушка.

– Юль, что будем делать? – шепнул Генка.

– Переводчика искать.

– С какого языка?

– С марсианского, – съязвила Юлька. – Таких разукрашенных красоток я только по телевизору в фантастических фильмах видела.

Во время этого короткого диалога гостья поочередно переводила взгляд с брата на сестру, внимательно вслушиваясь. Даже перестала улыбаться.

– Ладно, давайте попробуем познакомиться, что ли, – решил хоть что-то предпринять Генка. – Я – Гена... – ткнул он себя пальцем в грудь. – Она – Юля... А вы?

Он ободряюще улыбнулся незнакомке. Та улыбнулась в

ответ и сказала:

– Марронодарра.

– Ого! – не удержалась Юлька. – Сечет быстро, на лету прям схватывает! Если не прикалывается над нами, конечно. Но судя по прикиду, не должна.

– Юля, что за выражения? – слегка покраснел Генка.

– Нормальные выражения! – огрызнулась та. – Нашел время нравоучениями заниматься. Вон, ее поучи! Лексикончик-то бедноват у Мандарины твоей.

– Почему у моей? – окончательно запунцовел он, подыскивая слова и аргументы, чтобы образумить сестру. Но тут заговорила гостья:

– Я не Мандарина. Я Марронодарра. Лексикончик бедноват... Поучи!

Она выжидательно уставилась на Генку.

– Ничего себе! – ахнула Юлька. – Не попугаем повторяет, а по делу! Вот это талант! Мне бы так с английским! Америкосов каких-нибудь послушать пять минут – и будьте-нате, вери гуд!

Генка начал злиться:

– Юля, очень тебя прошу, говори при Ман... при нашей гостье нормально. Ведь нахватается сейчас от тебя разных глупостей...

– Зато от тебя большо-о-го ума наберется! – обиделась Юлька. – Ты даже имя ее не смог запомнить.

– Да, не смог. Оно действительно сложное и непривычное

для нас.

– Сложное! Непривычное! – передразнила Юлька. – Значит, надо упростить. Иностранные имена очень часто переименовывают для удобства. Как, вы говорите, вас зовут? – повернулась она к гостье.

– Марронодарра, – понимающе улыбнулась та. – Надо упростить.

– О! Видишь! – оживилась сестренка. – Она все уже понимает! Как мы ее назовем? – Юлька задумчиво пожевала губами: – Марода... Марона...

– Да просто Марина! – нашелся Генка. – И все.

– Тогда уж – просто Мария, – хмыкнула Юлька.

– Нет! Марина! – запротестовал Генка.

– Ну, Марина так Марина, – на удивление быстро согласилась сестра. – Как тебе имечко? – спросила она гостью. – В кайф?

– Марина! – нараспев повторила девушка. – В кайф!

– О-ох! – только и смог выдавить Генка, укоризненно глядя на Юльку.

– А что мы, кстати, стоим? – спохватилась та. – Давайте хоть сядем, чайку попьем. Раз уж с картошкой такая лажа... простите, фигня вышла. У нас и варенье где-то было... Ты хлеб-то хоть купил, умник? – исподлобья глянула она на брата.

– Хлеб? – опешил Генка. – Я за лампочкой ходил!

– Ага, а хлебный магазин – в другом городе. Туда специ-

ально ехать надо, билеты бронировать... Ну, Гендос, ты и бестолочь!

– Но-но! – погрозил Генка. – Если б не гостья... Ладно, я сейчас! – крикнул он уже на ходу.

– Купи тогда еще конфет грамм триста! – крикнула вдогонку Юлька.

Глава 3

Вернувшись из магазина, Генка застал на кухне идиллическую картину: Марина и Юлька сидели, обнявшись, и весело щебетали. Оставаясь незамеченным, он прислонился к косяку и прислушался.

– Мой брат очень хороший, – проговорила Юлька.

– Твой брат очень хороший, – повторила Марина.

– Он добрый, заботится обо мне. Только немножечко нудный.

– Нудный – звучит плохо... Что значит? – насторожилась Марина.

– Ну, правильный весь такой, все время учит меня.

– Учит – это хорошо. Правильный – это хорошо. Почему нудный – плохо?

– Да это я так, не бери в голову! Лучше о себе расскажи. Кто ты, откуда? Генка говорит, – прыснула Юлька, – что ты из лампочки!

– Лампочка – это? – ткнула гостя в светильник под толком.

– Ага!

– Да, я из лампочки.

– Круто! Что, и правда джинния?

– Джинния – что значит?

– Не, это мне не объяснить, – вздохнула Юлька. – Тут Ген-

ка нужен... А вот, кстати, и он! – заметила она брата. – Стоит тут, подслушивает!

– Да я только зашел, – стушевался Генка. – Вот хлеб... – протянул он сестре пакет.

– А конфеты?

– И конфеты, и печенье, и даже торт вафельный.

– Ты у меня просто умничка, братик! – оттаяла Юлька.

Чаепитие проходило в торжественном молчании. Только изредка мурлыкала от удовольствия сестренка. Наконец Генка не выдержал:

– Чему вы тут без меня научились?

– Ой, Ген, Марина уже так хорошо говорит! – расцвела Юлька.

– Да, я клево все просекаю, – кивнула Марина и надкусила кусочек торта.

Генка чуть не подавился. Кинув обжигающий взгляд на сестру, аккуратно поправил гостью:

– Марина, это неблагозвучные слова. Нужно говорить так: «Да, я хорошо все понимаю».

– Юля не умеет хорошо говорить? – удивилась Марина.

– Все она умеет! Просто...

То, что хотелось выдать в адрес сестры, говорить при Марине было непедagogично.

– Просто мне так удобней, – закончила за него Юлька. – Все так говорят!

– Я так не говорю, – поднял палец Генка.

– Потому что ты несовременный!

– Ладно, хватит! – легонько стукнул он кулаком по столу.

– Мы сейчас совсем запутаем Марину. Ей надо побольше послушать грамотной, правильной и желательно культурной, – бросил он взгляд в Юлькину сторону, – речи. Что нам может помочь? Я думаю, книги. Давай почитаем Марине Достоевского, Чехова...

– Ага! «Войну и мир» Толстого! – подхватила Юлька. – Да Марина уснет через две страницы! Зачем что-то читать, когда есть телевизор?

– Это еще хуже, чем ты! – испугался Генка, но Марина неожиданно заинтересовалась:

– Телевизор? Ты уже говорила – телевизор. Ты видела там – как я.

Юлька зарделась, вспомнив свои слова про «разукрашенных красоток».

– Ну это я так... образно... – покрутила она рукой в воздухе, но тут же нашлась: – Пойдем, я покажу тебе ящик! В смысле телик. Телевизор то есть...

Схватив Марину за руку, сестренка потащила ее в комнату, бросив ему на ходу:

– А ты приберись тут пока, Достоевский!

Прибрав со стола и вымыв посуду, Генка вспомнил, что они так и остались без лампочки. Отсутствие света в туалете при наличии гостя показалось ему крайне неудобным, даже

неприличным обстоятельством. Поэтому, крикнув в приоткрытые двери комнаты: «Я сейчас!», выскочил из квартиры.

На сей раз он отправился в другой хозяйственный магазин, проехав четыре остановки на маршрутке. К счастью, там никаких ограблений за последние сутки не случилось. Купив на всякий случай сразу три лампочки, минут через сорок он вернулся домой.

На стук двери в прихожую высунулась Юлька:

– Ты только послушай, Гендос, как мы уже говорим! – Она схватила его за руку и потащила за собой.

Сидевшая на диване по-домашнему, с ногами, Марина глянула на него, расплылась в ослепительной улыбке и сказала:

– О, Гена! Ты уже вернулся из магазина? Твоя сестра Юля и я истосковались по тебе! Мы думали, ты покинул нас, бросил, как Альберто Ангелию...

– Что-что-что?.. – захлопал он глазами. – Вы что смотрите?!

– Сериал бразильский, – невинным голосочком отозвалась сестренка. – Там все очень культурно и прилично.

– Но это же полная безвкусица!

– Зато правильно – как ты любишь.

– Я не люблю! Пусть бразильцы сами это смотрят и слушают!

Марина с недоумением смотрела то на сестру, то на брата,

а потом вдруг выдала отрывисто и громко:

– Бразилия – чемпион!

– А это откуда?! – ахнул Генка.

– Ну, мы еще футбольное обозрение чуть-чуть захватили... – Юлька ковырнула пальчиком обивку дивана. – А что, нельзя?

– Что еще успели захватить? – Генкин голос дрожал. – Какая же ты... легкомысленная!

– Свежее дыхание облегчает понимание! – радостно откликнулась Марина.

– О-о-о! – схватился он за голову. – Все! Больше никакого телевизора!

Юлька обиженно фыркнула:

– Может, в театр ее сводим?

– А вот это идея! – обрадовался Генка, не заметив, как вздрогнула гостья.

– Я же пошутила...

– Нет-нет, действительно хорошая идея. Я слышал, к нам приехал какой-то театр – то ли из Москвы, то ли из Питера... Туда и пойдем. Приобщимся к прекрасному.

Марина испуганно замерла, собираясь что-то сказать, но ее опередила Юлька:

– Я не пойду, я сегодня к Машке хотела. Я ей обещала, что приду! – быстро добавила она, зная, как щепетилен брат в отношении обещаний.

– Ты каждый день проводишь с подругами, – насупился

Генка. – Твой лексикон – прямой результат этого общения. Один вечер можешь прожить и без них! Для своей же пользы.

– До чего же ты нуден, Гендос, – покачала головой сестра. – Бедная твоя жена!

– К-какая жена? – испугался Генка.

– Будущая, братец, будущая! Если найдется такая дура... – начала было Юлька и осеклась. – Кстати, давай-ка выйдем.

Он последовал за ней в прихожую, бросив извиняющийся взгляд на гостью. Та уже увлеченно разглядывала какую-то книгу – скорее всего, Юлькин учебник, потому что других книг в комнате сестры не водилось. Юлька потащила его в его комнату, плотно закрыла дверь и оперлась о нее спиной. Он потоптался немного и сел на диван.

– Ну, что ты хотела сообщить?

– А то! Смотри не втрескайся в Марину!

– Чего ты болтаешь?! – подскочил Генка.

– Сиди и не перебивай! – осадила его сестренка. – Я же вижу, как ты на нее пялишься! А у нее, между прочим, жених дома есть. Имя у него смешное: Мишаня или Масыня – я не расслышала...

– Откуда ты знаешь? – пролепетал он, чувствуя, что стремительно краснеет.

– От верблюда! Она сама мне сказала, когда мы сериал смотрели. Он у нее шишка какая-то. Типа принц... или даже целый король!

Генка нервно засмеялся:

– Может, и она принцесса?

– А что? Может. Посмотри, как она одета! И нерусская...

Кстати, она сказала, что и правда из лампочки. Ничего не понимаю... Но почему-то ей верю. И даже... совсем не боюсь. А ты понимаешь, что происходит? – с надеждой посмотрела на него Юлька.

Она не произнесла ни одного сленгового словечка! Генка понял, что сестра все-таки трусит, хоть и корчит из себя мисс Невозмутимость. Да что там она – у него самого уже голова шла кругом!

– Видишь ли, Юля, – постарался он говорить спокойно. – По-моему, мы стали свидетелями чего-то странного. Причин для страха я не вижу, Марина мне тоже внушает доверие. Но пока сама не расскажет, кто она и откуда...

– Ген, разве люди могут так быстро выучить чужой язык? – перебила его Юлька. – Может, она не человек?..

– А кто же?

– Не знаю... Пришелец... – сказала и поежилась сестра. – Или и правда – джинния... Слушай! – обрадовалась она. – Если Марина джинния, давай ей загадаем желание!

– Какое? – насупился Генка, догадываясь, что сейчас услышит.

– Ну, чтобы мама и папа... – опустив голову, прошептала Юлька.

– Ох, сестренка-сестренка! – подошел он к ней и бережно

прижал к груди. Хотел сказать что-то еще, но в горле запершило, и он тихонько кашлянул.

– А что? – подняла Юлька влажные глаза. Они оказались так близко, что Генка увидел в расширенных зрачках свое отражение. – А вдруг? Ну давай попробуем, а?

– Хорошо, попробуем... – сдался он и погладил Юлькины рыжие кудряшки, что делал исключительно редко. – Только сначала нам нужно научить Марину как можно лучше говорить по-русски. И ты должна помочь мне.

– Разве я не помогаю? – удивилась Юлька.

– Помогаешь... – вздохнул Генка. – Теперь переучивать придется.

– А зачем? Не все ли равно, правильно она говорит или нет? Уедет в свое королевство – и нафиг ей русский язык будет нужен!

– Надо бы сначала узнать, где это королевство.

– Она-то ведь знает, – резонно заметила Юлька – Вот и поедет.

– А чего же она у нас тогда делает? Почему не уезжает?

– Может, денег нет?

– Да у нее одних украшений на личный самолет хватит, – хмыкнул Генка.

– Что ж она – с платья будет камешки сдирать и за билет расплачиваться?.. Слушай, если она джинниня, нафига ей билет? И вообще самолет? Скажет: трах-ти-бидох – и дома!

– У нее бороды нет... – задумчиво ответил он. – Вообще-то, вдруг в этом действительно что-то есть? Лампочка, драгоценное платье, незнание русского...

– Вот и я говорю! – Сестренкины глаза вспыхнули. – Джинния, настоящая джинния! Кстати, о платье... – стала по-взрослому деловой Юлька. – Она же не пойдет в театр в таком наряде! Вас или ограбят, или арестуют. Или то и другое вместе; причем что сначала, что потом – угадать трудно.

Генка даже удивился, как ловко может изъясняться сестра. В голову закралось подозрение, что своими жаргонными и сленговыми выражениями Юлька порой специально его достает.

– И что ты предлагаешь? – спросил он.

– Надо переодеть!

– Во что? В твои джинсы с бахромой и рванными коленками?

– Мои не налезут, – с сожалением вздохнула Юлька. – А было бы клево! Придется в твои. А маечку я ей свою дам: получится топик. Сапожки свои пусть оставит – хоть они и прикольные, но под джинсами будет не очень заметно.

– И в таком виде она пойдет в театр?! – ахнул Генка.

– Вот и я говорю, что нечего вам там делать, – согласилась Юлька. – Лучше в кино сходите. «Звездные войны» в «Родине» идут. «Эпизод два». Круто!

– Тебе бы только фантастику смотреть да идиотские сериалы, – проворчал Генка. – Не понимаю, как совмещается

одно с другим?

– Еще боевики, детективы, – стала загибать сестра пальцы, – музыка, мультики и футбол!.. Ну что, пойдете на «Звездные войны»?

Глава 4

Марина встретила Генку с Юлей торжественной фразой:

– Ну что ж, дорогие мои, теперь я неплохо знаю русский язык! Должна заметить, язык довольно сложный. Гораздо сложнее, чем... Впрочем, неважно.

– Но как?! – ахнули они в унисон.

– С помощью этих книг, – кивнула гостя на кипу учебников.

– Это мои, по русскому, – шепнула Генке Юля. – С пятого по девятый класс. И толковый словарь. И орфографический. Я ж как раз в июне экзамен сдавала – помнишь, в библиотеке набрала?

– И до сих пор не вернула? – тоже шепотом спросил он.

– Так лето же! В сентябре сдам.

– Марина, – заметно смущаясь, обратился Генка к гостье, – разве можно, не зная, как звучат буквы, освоить произношение, не говоря уж о смысле? Да и всего за десять минут... – Он замахал руками, подыскивая нужные слова.

– Я много чего могу, – загадочно улыбнулась Марина. – А соответствие букв звукам поняла по рекламе в телевизоре. Написано: «Для тех, кто и правда крут!» – это же и говорят. Или: «Не дай себе засохнуть!» Кстати, почему вам показывают такие глупости? Судя по тебе и Юле, люди вполне разумны. Или вы уникамы?

Юлька в ответ прыснула, а Генка проворчал:

– Мы-то обычные. С образованием на двоих – чуть ниже среднего. Но кому-то, видимо, очень хочется, чтобы мы все стали тупыми и послушными, как стадо баранов.

– Но зачем?..

– Тупым стадом легче управлять.

– Значит, и у вас... – начала Марина и осеклась.

– Да вы знаете, что у нас творится?! – встрепенулась Юлька. – Мне сегодня Машка рассказала. – Заметив его удивление, пояснила: – Утром забегала, пока ты дрых еще. Так вот, ночью драка была...

– И Машка в ней участвовала, – не удержался Генка.

– Не язви, Гендос! – ткнула его локтем в бок Юлька и продолжила: – Мужика какого-то били. Всего-то и въехали ему пару раз, а он – опа! – и испарился!

Марина вздрогнула – Генка подумал, что она испугалась.

– Вот уж драка так драка, – хмыкнул он. – Два раза ударили, избиваемый удрал – и что? Где смеяться?

– Не удрал, Геночка! – победно глянула на него Юлька. – А ис-па-рил-ся! Зеленым дымом! И кровь у него зеленая!

Марина расслабленно обмякла, словно скинула тяжелую ношу. А Генка с Юлей устроили словесную перепалку:

– Это твоя Машка все разглядела?

– Дурак ты, Геночка! Ей рассказали!

– Те, кто били, или тот, кто испарился?

– Дурак ты, Геночка!

– Это я уже слышал. Скажешь еще раз – будешь сегодня сидеть дома.

– Ну ты чего?!

– А ты чего?

– Да ну тебя!

– Гена, пойдем в кино! – остановила назревавшую ссору Марина. – Юля, помоги мне переодеться, пожалуйста.

Переодетая гостя, если использовать Юлькину терминологию, смотрелась прикольно. Юлька, обойдя ее пару раз, цокнула языком и удовлетворенно резюмировала: «Клево!» Генка же в очередной раз вздохнул. Хотя и отметил про себя, что привлекательности Марина даже в этом наряде не потеряла. Они с Юлькой стали теперь похожи одна на другую: обе подтянутые, стройные, словно стрелы, готовые к полету в будущее, с открытыми чистыми лицами, и обе – рыже-волосые! Только Марина смотрелась все-таки ярче: и черты лица более утонченные, и взгляд решительнее, и волосы – огненные волны ниже плеч против светло-оранжевых кудряшек Юльки. А еще гостя была повыше ростом и постарше возрастом.

«Как сестры, – подумал Генка, испугался и быстро внес поправку: – Но брат я только Юле!»

– Дуйте в свою киношку! – мотнула та головой. – А я – к Машке.

– Стоит ли теперь куда-то идти? – почесал затылок Генка.

– Марина и так по-русски уже лучше нас говорит.

– Блин, да хоть просто воздухом подышите! – фыркнула Юлька. – Чего дома-то сидеть? Или, – она прищурила глазки, – ты стесняешься Марины?

– Что ты несешь? – возмутился Генка. – И что опять за «блины»? Сколько раз...

– Отстань, утомил уже! – закатила глаза сестра. – Марина, чего он ко мне все время цепляется?

– Он тебя любит и хочет, чтобы ты стала культурным, воспитанным человеком, – вежливо ответила Марина. Ее учительский тон плохо вязался с коротенькой аляповатой маечкой, оголявшей пуп, и с джинсами, едва не сваливавшимися с бедер.

– И ты туда же? Сговорились? – притворно насупила брови Юлька.

– Ладно, Марина, идем, – сказал Генка, увидев, что гостыя растерялась. – Отдохнем от нее.

День, показавшийся ему таким длинным, на самом деле лишь едва перевалил за середину. Августовское солнце лениво отрабатывало смену. Светило оно еще достаточно ярко, но грело уже не особо по-летнему.

Генка смущенно глянул на Маринин голый живот:

– Не холодно?

– Что ты! Так хорошо! – помотала головой Марина, создав на мгновение пышное рыжеволосое облако. – Я люблю такую

температуру. У нас... – Она в очередной раз осеклась.

– Марина, а может, ну его – кино? – покосился на нее Генка. – Душно, темно... Пойдем лучше в парк, посидим на природе, поболтаем. Мне кажется, нам есть о чем поговорить.

– Как хочешь, – пожала плечами Марина. – Просто мне интересно было бы увидеть, что же такое кино.

– Увидим еще, – кивнул он. – Может, вечером сходим. Днем в кино – как-то несолидно.

Ему не терпелось поговорить с загадочной гостьей всерьез и наедине. Эти случайные оговорки, недомолвки начинали уже надоедать – доставать, как сказала бы Юлька. Пора было узнать, кто такая Марина и откуда взялась. Неужели и правда из лампочки?

В парке, несмотря на воскресный солнечный день, свободных скамеек было достаточно. Оно и понятно, горожане торопились использовать последние летние выходные с интересом и пользой. Генке это было на руку. Откровенно говоря, он действительно стеснялся. Не только наряда Марины – вообще стеснялся находиться прилюдно со столь яркой спутницей. Ему и с обычными-то девушками не доводилось вот так прогуливаться, и теперь казалось, что редкие прохожие, все поголовно, только и делают, что пялятся на них.

Подведя спутницу к самой дальней скамейке, он, пугливо озираясь, предложил:

– Присядем?

Марина послушно села и пристально посмотрела на него:

– Что ты хотел спросить, Гена?

– Я? Почему спросить? Поговорить... – промямлил он, нерешительно опускаясь рядом.

– Я ведь вижу: тебя что-то тревожит.

– Уф-ф!.. – отер со лба Генка выступившие капли пота, –

Ну... Марина, ты знаешь... Это все как-то... Вот ты здесь... В общем, почему ты здесь? – выпалил он наконец. – И кто ты вообще такая?

Та ничуть не удивилась, лишь едва заметно напряглась и убрала под скамейку ноги.

– Гена, я должна извиниться, что потревожила вас с Юлей. Поверь, я этого не хотела. Но раз уж так все вышло... Вы такие хорошие, добрые! Я не причиню вам неприятностей. Мне нужно пробыть у вас еще хотя бы одну ночь. А потом я... уйду.

– Куда? – заглянул ей в глаза Генка. Она быстро их опустила:

– Гена, пожалуйста, не надо, ладно? Не спрашивай.

– Марина, давай начистоту! – начал он сердиться. – Ты уже рассказала Юльке какую-то ерунду про принцев... – Марина вздрогнула и еще ниже опустила голову. Генка продолжил: – Почему же ничего не расскажешь мне?

– Нельзя, Гена... – чуть не плакала та. – Тогда я не знала вас так хорошо... Я совершила ошибку... Ты правильно сказал: я болтала ерунду! Давай так и договоримся. Я не хочу, чтобы вы...

– Ладно, – стиснул он зубы. – То, что нельзя, – не рассказывай. Но за нас не решай, пожалуйста. Мы сами решим, что нам делать. Я ведь вижу, что тебе нужна помощь. Почему ты не хочешь, чтобы мы помогли тебе?

– Вы уже помогли! – вскинулась Марина. – И поможете еще, если позволите остаться у вас на ночь. Больше мне ничего не нужно!

– Хорошо, – процедил Генка. – Можно задать тебе всего один вопрос? Раз уж мы, как ты говоришь, помогли тебе – помоги и ты нам... прочистить мозги.

– Да, спрашивай.

– Откуда ты?

Помолчав немного, Марина переспросила:

– Если я отвечу, вопросов больше не будет?

– Пока нет, – насколько мог честно ответил он.

– Я из лампочки.

Глава 5

Генка сидел, кусая губы, и злился. На себя и... Нет, не на Марину – на женскую логику в принципе. Ну знала ведь она, эта загадочная «принцесса», что вызвала и самим своим появлением, и странной одеждой, и языком, и прочим массу вопросов! Ведь знала, что он пошел с ней «погулять» не просто так, а чтобы прояснить хотя бы часть загадок! И Юльке что-то успела рассказать, а вот теперь молчит. Хочет поплить, поиграть на нервах? Непохоже. Действительно боится за них? Но разве опасность, если она в самом деле существует, становится меньше от их незнания? Наоборот, представляя себе опасность, можно как-то подготовиться...

– Гена, не сердись, – тронула его за рукав Марина. – Пойдем домой, я кое-что придумала.

Он недоверчиво поднял глаза.

– Я напишу вам. – Марина так на него посмотрела, что злость моментально прошла. – Да, я напишу, кто я, откуда и как оказалась у вас. Понимаешь, если я стану это рассказывать, то вы... Ваше отношение ко мне может измениться, а я этого не хочу, вы стали мне как родные.

– Ты что, преступница? – угрюмо хмыкнул Генка.

– Нет, я не преступница, – серьезно сказала Марина. – Я имею в виду совсем другое. Вы все поймете, когда прочитаете мое письмо. Но прочитаете, когда я уйду. Хорошо?

– Детский сад какой-то, – пробормотал под нос Генка, но Марина услышала:

– Пусть так... Ты согласен?

– Это лучше, чем ничего, но...

– Не надо «но», Гена! Пожалуйста! – Марина поднялась.

– Пойдем?

Назад он плелся в мрачном молчании. Злости больше не было, но внутри ворочался тяжелый колючий комок. Марина тоже молчала до самого дома.

Ступив в прихожую, Генка услышал, как под ногами захрустело стекло. Он щелкнул выключателем, но свет не зажегся. Дневного света, пробивавшегося через застекленную дверь кухни, хватило, чтобы убедиться в отсутствии лампочки.

– Юля! – грозно крикнул Генка.

– Она ведь к Маше собиралась, – напомнила Марина.

– Ступай осторожно, тут стекла.

Чтобы взять совок и веник, он хотел включить свет в туалете, но лампочка не зажглась и там. «Да что за напасть сегодня такая!» – чертыхнулся он про себя и стал вслепую нащаривать веник. Под ногами снова хрустнуло. «И здесь?! – пронеслось в мозгу. – Тенденция, однако!»

– Гена, посмотри! – позвал из кухни тревожный голос Марины.

Генка уже догадывался, что увидит там – осколки разби-

той лампочки!.. Вот теперь ему стало страшно.

Лампочки были разбиты во всей квартире. Больше никакого беспорядка не наблюдалось. На то, что квартиру посетили воры, не указывало ничего. Все вроде бы на месте... Кроме лампочек, разумеется. Которые, впрочем, не украли, а разбили.

И все же кое-что пропало...

– Гена, я не могу найти свое платье! – слышалось из Юлькиной комнаты.

Генка отправился на зов и застал смущенную Марину.

– А где оно было? – нахмурился он.

– Вот тут, на спинке стула висело.

– Может, Юлька его в шкаф перевесила? – Генка открыл створки и поворошил немногочисленные наряды сестры.

– Нет... – растерянно улыбнулась Марина.

– Так-так-так... – забарабанил по лбу пальцами Генка. – Может, постирала?

Идея была глупой, но давала хоть какую-то надежду.

В ванной платье не обнаружилось тоже. Как и в Генкиной комнате, и на кухне, и в прихожей, и в туалете, и даже на балконе.

Пропажа платья – это не битые лампочки! Там убытку – на полтинник, а здесь...

– Сколько стоит твое платье? – брякнул Генка.

– Не знаю. Вашу меру ценностей я пока не поняла, а моя тебе ничего не скажет, – равнодушно пожала плечами Мари-

на. Она вовсе не казалась расстроенной пропажей. Ее беспокоило нечто иное.

– Постой! – хлопнул по лбу Генка. – А может, это Юлька?

– Разбила лампочки? – думая о своем, невпопад спросила Марина.

– Нет, вряд ли... – почесал он затылок. – Я про платье. Вдруг она решила его примерить, а потом к Машке в нем пошла – повыпендриваться. С нее станет!

Марину его слова вывели из задумчивости.

– Да! Там висят Юлины джинсы и майка. Значит...

– Где? Где висят?

Он бросился в комнату сестренки. Юлькина одежда действительно висела на стуле. «Вот бестолочь! – обругал себя Генка. – Ведь я видел ее, когда искал платье! Ну почему у меня соображалка так плохо работает?»

Он для чего-то перевесил джинсы на другой стул. Добавил к ним майку. И замер рядом.

– Чего я, собственно, жду? – вновь хлопнул он по лбу и метнулся к двери. – Сейчас схожу за Юлькой и...

– Постой, Гена! – остановила его Марина. – А как ты объяснишь лампочки?

– Вот пусть Юлька и объяснит! – отмахнулся Генка.

– Ты же сам сказал, что вряд ли это Юля.

– Лампочки – ерунда! – раздраженно буркнул он. – Вот платье...

– Как раз лампочки... – начала Марина, но трель дверного

звонка оборвала ее на полуслове.

– Фу-у! Юлька вернулась! – бросился в прихожую обрадованный Генка.

Радовался он зря. За дверью стояли две девчонки. В одной он узнал Машу.

– Здравствуйте. А Юля дома? – спросила та.

– А разве она не у тебя?! – забыв поздороваться, ахнул Генка.

– Нет. Мы договаривались, что она придет, но я ее так и не дождалась.

– Странно... – выдавил он. – А где же она?

– Не знаю, – пожала Маша плечами. – Я ее только утром видела, когда заходила... Ой, здрасьте! – заулыбалась она, глядя Генке за спину. Он обернулся, увидел Марину и засмущался:

– Ладно, Маша, мне некогда... Если увидишь Юлю, скажи, чтобы срочно шла домой.

Закрыв дверь, он услышал удаляющееся девчоночье хихиканье: «Ему некогда... А Юлька... мой брат... никогда... черный монах!.. А бабешка ничего!»

Генка почувствовал, как лицо заливают краска. Хорошо, что в прихожей царил полумрак, и Марина вряд ли это заметила. Зато вполне могла расслышать глупые реплики!

«Тьфу ты! – обозлился он. – Черный монах!.. Ну, сестренка! Вот придешь – я тебе... Если придет...» – остановил он себя, и сам испугался своей мысли.

– Гена, похоже, все очень плохо, – проговорила вдруг Марина таким тоном, что ему и правда стало плохо, даже зазвенело в ушах. Он прислонился к стене и по-детски испуганно прошептал:

– Почему?

– Пойдем в комнату, сядем, – дотронулась до его плеча Марина. – Разговор, наверное, будет долгим.

Генка отлепился от стены, но, опомнившись, запротестовал:

– Какой разговор?! Надо Юльку искать! Ее же ограбят в таком наряде! Если уже не... Надо бежать в милицию!

Марина крепко сжала его плечо:

– Стой! Не надо никуда бежать. Пойдем, я расскажу тебе... то, что ты хотел.

– Да не до этого сейчас, Марина! – попытался он высвободиться.

– Нет, как раз самое время, – горестно вздохнула Марина.

Усадив упирающегося Генку на диван, она устроилась рядом и сказала:

– Гена, боюсь, что Юлю похитили.

– Что?! – вскочил он. – И мы сидим?!

– Сядь! – резко приказала Марина. – Возьми себя в руки!

Генка сел. Марина продолжила твердо:

– Куда ты побежишь? Тебе не поможет никто на этой планете!

– На этой планете? – округлил он глаза. – Что ты имеешь

в виду?

– То, что сказала. И я не с Земли. – Голос Марины звучал весьма убедительно.

Генка затряс головой. Мелькнула мысль: уж не тронулся ли он умом? А может... это как раз она сумасшедшая? Или они оба больны?..

– Гена... – протянула к нему руку Марина. Он отпрянул, засучив ногами по полу, и промычал:

– У-у-уйди!..

– Успокойся, прошу тебя! – взмолилась Марина. – Ты ведь сам хотел узнать правду... – Видя, что его по-прежнему трясет, она применила уже испытанный способ, проорав неожиданно: – А ну сядь нормально! Прекрати истерику! Подумай о Юле!

То ли подействовал крик, то ли упоминание о сестре, только Генка, замерев на секунду, вдруг встряхнулся, как мокрый пес, и опустил лицо в ладони. Марина тактично выжидала, пока он придет в себя.

До окончательного спокойствия было еще далеко, но соображать он все-таки начал. И выдавил, с трудом подняв взгляд:

– Прости... те... Я вас слушаю...

– Мы уже на «вы»? – грустно усмехнулась Марина.

– Но вы же... ты же... – замялся несчастный Генка.

– С другой планеты? – склонила голову гостя, заглядывая ему в глаза. – Ну и?.. Что это меняет в принципе?

«Это ужасно! Это все меняет! – хотелось ему закричать, но тут в голову пришла новая мысль: А что именно – все? Какая мне разница, откуда она? Разве она стала от этого хуже? Или лучше?»

Он мог бы, пожалуй, додуматься до межпланетного расизма или, напротив, всегалактического интернационала, но тут его размышления прервал объект этих волнений:

– Гена, мечтать некогда! Ты готов меня выслушать?

Он выпрямил спину, пригладил ладонью волосы и сказал, глядя в глаза Марине:

– Очень прошу... тебя. Пожалуйста! Давай забудем все, что только что произошло. Я вел себя по-свински! Я скотина! Поверь, мне очень стыдно. Но так все... неожиданно... Прости.

– Конечно, я тебя прощаю, – улыбнулась Марина. – Но так ли все неожиданно? Ведь ты был готов к чему-то подобному, когда пытал меня там, в парке. А если бы я поддалась тогда на твои уговоры?

Генка от стыда готов был провалиться.

– Да-а... – покачал он головой. – Наделал бы я шороху!.. Но ты ведь не только из-за этого смолчала?

– Не только. Я ведь не знала, что так получится с Юлей. Но как раз боялась чего-то подобного. Не хотела пугать тебя напрасно, думала, все обойдется. Не обошлось... Так что ты меня тоже прости. Это я во всем виновата.

– Марина! – Генка снова стал самим собой. – Давай не

будем искать виноватых! Будет лучше, если ты сейчас все-все мне подробно расскажешь. Только... А как же Юлька? Ты уверена, что нам не надо никуда бежать и что-то срочно делать? Мы что, потеряли ее навсегда?..

– Гена, милый! – Марина положила руку на его плечо, и он на сей раз не отпрянул. – Я ведь не знаю подробностей, только догадываюсь. Если мои догадки верны, то Юля уже не здесь.

Генка вздрогнул, но промолчал, а Марина продолжила:

– Где именно, я просто не знаю. Но она жива, в этом я уверена. Спешить сейчас бесполезно, надо сначала все хорошенько обдумать. Возможно, какие-то мысли появятся, пока я буду рассказывать тебе эту историю. В любом случае, у меня еще недостаточно сил, чтобы покинуть Землю. А искать Юлю нужно не на Земле.

– Почему ты так в этом уверена?! – не выдержал он.

– Лампочки, – ответила Марина. – Ты забыл, как я очутилась у вас?

– Джинния из лампочки! – охнул Генка, в очередной раз припечатав себя по лбу.

Глава 6

Прежде всего Марина спросила:

– На какой фильм нас хотела отправить Юля?

– «Звездные войны»... – откликнулся Генка.

– Вот-вот, – нахмурилась гостья. – Звездные войны. Мне действительно хотелось посмотреть, что про них могли снять земляне. Ведь ваше кино – выдумка?

– В этом случае да.

– Ну вот. А на самом деле звездные войны – реальность! Это печальная действительность той жизни, которой живу я. – Марина еще больше нахмурилась, помолчала, а затем приступила к рассказу.

...Звездные войны велись в Галактике не одно тысячелетие. Они то затихали, то вспыхивали с новой силой, втягивая в огненный смерч десятки и сотни планетных систем. Порой конфликты носили локальный характер, затрагивая два-три мира, а бывало, что в гигантских сражениях принимали участие до двадцати-тридцати враждебных флотов одновременно.

Случались периоды, когда силы разума брали верх над смертельным безумием, и тогда враждующие стороны пытались найти компромисс путем переговоров. Иногда это получалось, но всегда ненадолго.

В последнее тысячелетие, несмотря на то что общее количество втянутых в Галактическую войну миров достигло четырех сотен, число основных противников постоянно уменьшалось. Это происходило либо в связи с покорением более сильными цивилизациями более слабых, либо из-за сознательного слияния недостаточно мощных армий в единый блок, либо из-за полного уничтожения крупных объединений – так погибли, например, пятьсот лет назад Армия Двенадцати Миров, возглавляемая могучими аухнами, или три столетия назад – Объединенный Флот Лиги Мрака. На сегодняшний день в Галактике осталось всего два враждебных суперлагеря – мелочь вроде авантюрных «великих» армий миров-одиночек не в счет. Во главе одного стояла цивилизация джерронорров, другой возглавили анамадяне.

Наступило то самое опасное равновесие сил, когда любой мало-мальски серьезный конфликт мог привести к глобальной галактической бойне, которая вполне способна спалить в своем пламени всю разумную жизнь Галактики. Наоборот, заключение мирного договора между джерроноррами и анамадянами означало бы начало мирного этапа галактической истории.

Это, к счастью, понимали многие из тех, от кого зависел ход событий. Правителям Туррона, цитадели джерронорров, и Анамады, базовой планеты анамадян, достало воли, разума и мужества для начала мирных переговоров. В ходе этой беспрецедентной встречи были намечены основные шаги на

пути к всеобщему миру. Проблем и разногласий тоже хватало, но главное совершилось. В подтверждение своих намерений правители решили скрепить союз... родственными узами. То есть выдать дочь джерроноррского Императора Марронодарру за сына анамадянского Вождя Миссина. Мнения намеченных для брака кандидатур никого не интересовало: ради мира в Галактике ими вполне можно было пренебречь.

Марронодарра приняла известие о предстоящем замужестве с бывшим врагом стойко. Она понимала серьезность момента и свою ответственность. Император Турронодорр благословил дочь и лично проводил до трапа анамадянского крейсера «Ярость», который понес ее к далекой Анамаде на встречу с женихом. Сама свадьба планировалась на более позднее время: требовались необходимая подготовка, поиск устраивающей обе стороны нейтральной планеты и тому подобное.

Для сопровождения дочери Турронодорр выделил Главнокомандующего Императорской охраной Герромондорра, а тот выбрал по своему усмотрению еще двух проверенных джерронорров. Большого не позволял этикет, поскольку анамадянский экипаж также состоял из четверых.

Однако на полпути к Анамаде случилось то, чего не мог предвидеть никто. В каюту отдохавшей Марронодарры без положенного сигнала вошел Герромондорр. Обычно учтивый и предельно вежливый, на сей раз главный телохранитель смотрел на нее горячечным взглядом. Лицо его кривила

дерзкая ухмылка.

– Должен сообщить вам новость, принцесса! – с издевкой поклонился он. – Конечный путь вашего следования изменится. И жених – тоже!

– Герромондорр, что с вами? – Марронодарра не испугалась, ожидая от телохранителя разумного объяснения такого поведения. – Анамадяне угостили вас чем-то, расслабляющим разум? Вы же знаете, что...

– Перестань, принцесса! – Слуга впервые обратился на «ты» к госпоже, и та вздрогнула, а он гордо расправил плечи. – Это я их кое-чем угостил. Жаль, они больше никогда не ощутят вкуса моих гостинцев!

– Ты... убил их?! – также перешла на «ты» Марронодарра, начиная понимать, что происходит нечто страшное. – Как ты мог?! Это посланцы...

– Это засранцы! – грубо перебил принцессу Герромондорр, отчего она снова вздрогнула и вжалась в кресло. – Это наши враги! По воле твоего слабоумного отца мы почему-то должны называть их друзьями! – Бывший телохранитель вплотную приблизил искаженное гневом лицо к лицу Марронодарры. В порыве отвращения принцесса мгновенно создала вокруг головы шар – непроницаемую снаружи маску – и вскочила на ноги:

– Не смей называть Императора слабоумным! Охрана! Ко мне! Арестовать безумца!

В каюту неспешно вошли охранники. Марронодарре они

не были знакомы, но по ухмыляющимся лицам она сразу все поняла.

– Изменники! Вас всех ждет смертная казнь! – крикнула она.

– Ну-ну-ну! – покачал головой Герромондорр. – Зачем же так грубо? Безумец как раз не я, а твой отец. Разве кто-нибудь в здравом уме станет отдавать свою любимую дочь замуж за врага? Он давно выжил из ума, твой старик! Ничего, скоро мы это поправим. Вышибем остатки гнилых мозгов из его лысой башки!

Принцесса глубже вжалась в кресло. При последних словах еще и прикрыла рукой блестящую маску, словно защищаясь от удара. Герромондорр это заметил и рассмеялся.

– Не бойся, принцесса! – сказал он сквозь смех. – Можешь открыть свое прелестное личико. Тебя мы не тронем. Более того, ты выйдешь замуж – о чем так мечтала. И даже станешь королевой, Императрицей. Только твоим мужем буду я!

– Нет-нет-нет! – в ужасе закричала Марронодарра и рванулась из кресла. Охранники схватили ее за плечи и грубо толкнули обратно.

– Но-но, полегче! – прикрикнул на них Герромондорр, подмигивая. – Как вы обращаетесь с моей невестой, вашей будущей Императрицей?!

Охранники дружно заржали.

И тогда Марронодарра призвала на помощь Силу – могущественный Дар Неведомого Избранным Джерроноррам.

Ослепительная вспышка озарила каюту. Зашипел плавящийся металл. А еще через мгновение принцесса, превратившись в сгусток волшебной энергии, словно игла стала пронизывать невидимые лоскуты и складки Пространства...

Марина закончила свой рассказ описанием схватки в магазине «Товары для дома» и замолчала, выжидательно глядя на Генку. Тот сидел, вцепившись рукой в подлокотник дивана так, что побелели костяшки пальцев. Казалось, еще немного – и обивка треснет. Пальцы другой руки сжимали виски, а ладонь прикрывала глаза.

– Ну просто... Армагеддон какой-то! – наконец хрипло произнес он. – Содом и Гоморра!

– Хуже даже, – согласилась принцесса. – Это из фильма? Генка молча помотал головой. Воцарилось недолгое молчание.

– Гена, ты не уснул? – не выдержала Марина.

– Уснешь тут! – буркнул он, опуская руку. Глаза его были воспаленными, красными, на лбу блестели капельки пота. – Сейчас бы выпить чего-нибудь...

– Я принесу! – вскочила Марина.

– Чего ты принесешь?

– Воды.

– Я не воду имею в виду, – вздохнул Генка. – Жаль, но спиртного в этом доме сроду не водилось.

– О! Спиртное я знаю! – обрадовалась принцесса. –

Это напитки, содержащие этиловый спирт! Перебродивший фруктовый сок, например. Так называемое вино.

– Лучше бы чего-нибудь покрепче, – мечтательно произнес непьющий Генка. – Водку, скажем...

Марина закатила глаза к люстре, вспоминая.

– Водка – крепкий алкогольный напиток, сорокапроцентная смесь очищенного этилового спирта с водой, – скороговоркой выдала она.

– Можно даже неочищенного, – кивнул Генка. – И без воды.

– Ого! – удивилась Марина. – Ты что, этот, как его... алкоголик?..

– Ага! Запойный.

– Да? – растерялась принцесса. – И часто у тебя запой?

– Да нет, раза четыре в год.

– И подолгу?

– Месяца по три.

Марина раскрыла рот и испуганно уставилась на Генку.

– Гена, – прошептала она, – тебе надо лечиться!..

– Теперь точно придется, – буркнул он и, взглянув на Марину, невольно улыбнулся. – Да шучу я, шучу! Это анекдот есть такой, к слову пришелся. Впрочем, откуда тебе знать про анекдоты...

– Почему? Я знаю! Мне Юля рассказывала.

– Про мыс Доброй Надежды, что ли? – вспомнил он утреннее чаепитие и поразился, что это было сегодня.

– Не только, – сказала Марина, отчего-то опуская глаза.

– Поня-ятно... Ну, Юлька, найду я тебя!

Генка неожиданно всхлипнул. Слезы против воли брызнули из глаз, и он зарыдал, повалившись лицом на диван.

– Ой, Гена, подожди, я сейчас! – воскликнула Марина и бросилась на кухню.

Звякнула посуда, зашумела вода, и уже через полминуты принцесса стояла возле него, протягивая большую кружку. Рыдания перешли в частые всхлипывания, и Генка снова сел. Благодарно, но вместе с тем стесняясь срыва, взглянул на Марину, взял кружку и сделал пару судорожных больших глотков. И тут же закашлялся, выпучив глаза. В комнате резко запахло спиртом.

– Это что?! – глотая широко раскрытым ртом воздух, прохрипел он. Его чуть было не вывернуло наизнанку – только присутствие гости заставило сдержаться.

– Водка, – пожалала плечами Марина. – Ты же хотел. Или надо было спирт?

Генка почувствовал, что его бросило в краску.

– Но откуда ты ее взяла? – ахнул он.

– У меня уже достаточно Силы, – пояснила принцесса. – Сделать это несложно: формула спирта проста, нужных атомов вокруг много.

– Так ты де... де-свиль-но можешь исполнять желания? – заплетающимся языком выговорил Генка. – Ты дж... джин-ния?..

– Нет, я джерроноррка, – испуганно глядя на стремительно пьянеющего Генку, сказала Марина.

Глава 7

Марронодарра, увидев, как Генка, попытавшись встать с дивана, с грохотом рухнул на пол и засопел, еще больше испугалась. Она не ожидала, что от двух глотков водноспиртовой смеси с человеком может произойти такое. Да и откуда ей это было знать? «Принявшего на грудь» землянина она наблюдала впервые.

Конечно, окажись на Генкином месте кто-нибудь другой, он бы и от целой кружки не упал, а то бы еще и добавки попросил. Но Генка-то был человеком непьющим. Для него и пары глотков оказалось вполне достаточно.

Джерронорры тоже, в общем-то, были не без греха по части «расслабиться», употребляя в том числе и спиртосодержащие жидкости. Поэтому принцесса принялась лихорадочно вспоминать, что принимал отец наутро после торжественных дворцовых приемов. Что-то вспомнив, она вновь кинулась на кухню и принялась греметь посудой.

Вернувшись к распластанному телу, с большим трудом перевернула его на спину. Но оно вновь попыталось принять прежнее положение. Только наступив на него ногой, Марронодарра сумела воспрепятствовать этому. Не менее сложно оказалось открыть спящему рот и влить туда розоватую жидкость из вновь принесенной кружки.

Генка забулькал горлом, закашлялся, замотал головой, да-

же сделал руками-ногами некие плавательные движения, но остался лежать. Тогда принцесса немигающе посмотрела на остатки своего лекарства. Розоватое снадобье вдруг забурлило и приняло насыщенный кровавый оттенок. Поколебавшись немного, Марронодарра вновь раскрыла Генкин рот и вылила в него все.

Генку будто электрическим зарядом пробило! Из положения лежа на спине он подлетел примерно на метр, сделал полный оборот вокруг своей оси, согнулся пополам и, громко завопив, приземлился на четвереньки.

– Что это было?.. – обалдело произнес он.

– Воскрешение из мертвых, – буркнула Марина, потрясенная случившимся. – Все, больше спиртного у меня не проси!

– Ты прям как сварливая жена, – хмыкнул Генка, поднимаясь и потирая ушибленные места.

– Пришел в себя? – спросила Марина. – Соображать можешь?

Он на всякий случай умножил в уме семь на восемь, получил пятьдесят шесть и осторожно ответил:

– Вроде бы да.

– Помнишь, о чем я тебе рассказывала?

Генка вспомнил, и ему опять стало нехорошо. Звездные войны!.. Может, приснилось спьяну?

– Что ты имеешь в виду? – уточнил он.

– Гена, не надо, – устало откликнулась принцесса. – Неко-

гда придуриваться, Юлю спасти нужно.

Генка схватился за голову. Юлька, сестренка! Как он мог о ней забыть?! Все, никаких больше экспериментов со спиртным! Так и остатки разума пропить недолго.

– Да! – крикнул он. – И как мы будем спасать Юлю? Где она?!

– Я уже говорила тебе, что не знаю наверняка, – вздохнула Марина, – только догадываюсь... По-моему, Юлю приняли за меня.

– Но вы ведь совершенно непохожи! – перебил Генка.

– Тот... или те, кто здесь были, скорее всего, не знали меня в лицо. Главная примета, которую им могли сообщить, догадываешься, какая?

– Рыжие волосы?

– Верно. А еще – платье. Юля и правда, наверное, решила его примерить. Тут-то и появились «гости»...

– А почему они перебили все лампочки?

– Думаю, Юля испугалась и спряталась. А они, видимо, про лампочку тоже знали.

– Откуда?! – изумился Генка. – Этого Геро... Геру... как его там... вроде как убили в драке? Про лампочку никто ведь не знал кроме него самого!

– У него был мыслепередатчик. Наверное, успел передать сообщникам, где меня искать.

– Мыслепередатчик?.. – не понял Генка. – Это еще что такое? Устройство для передачи мыслей?

– Ну... не совсем устройство... – принялась подыскивать нужные слова Марина. – Это как бы способность мозга передавать небольшие сообщения на любые расстояния. Причем мгновенно. Наведенная способность, которой наделяют лишь военачальников высокого ранга.

– А почему не всех? Это же так удобно! – удивился Генка.

– Безопасность Империи. Представь, как «удобно» было бы, например, злоумышленникам подготовить заговор. Впрочем, это как раз и случилось, – погрустнула Марина.

– А у тебя?! – взвился Генка. – У тебя есть эта способность?! Свяжись со своими, подними всех на уши!

– Думаешь, я не сделала бы этого, если б могла? – горько усмехнулась принцесса. – Нет, мне не положено. Вернее, смысла не было. Так, по крайней мере, считали.

– Но ты ведь эта... джинния... Можно так? А то мне не выговорить... Ты же все можешь! – не унимался Генка.

– Увы, далеко не все, – развела руками Марина. – У меня даже нет еще достаточно Силы... энергии, чтобы отправиться домой. Перелет сюда опустошил мои ресурсы. Но завтра, думаю, я смогу улететь.

– Что?! – встрепенулся Генка. – Улететь?.. А как же я?

– Тебя мне никак не взять, – покачала головой принцесса. – Это невозможно.

– Но я не могу оставаться здесь, когда моя сестра черт-те где! – возмутился он. – И потом, ее же как-то перенесли!

– Действительно... – задумалась Марина. – Юлю приняли

за меня, но она осталась при этом собой... Впрочем, и меня бы они ни за что не заставили помогать им, тем более Силы все равно не было... А может быть, здесь есть Переход? Да, очень похоже на то...

– Что ты там бормочешь? – не выдержал Генка. – Какой переход? Выражайся яснее!

– Пространство Вселенной неоднородно, – оценивающе глянув на него, сказала Марина. – В нем есть складки, дыры, щели – я упрощаю, конечно, на самом деле все гораздо сложнее... Вот представь себе длинную ленточку, по которой ползет букашка. Долго ползет, пока из конца в конец проберется. А если мы эту ленточку свернем, концы сложим и проткнем насквозь? Букашка через дырку моментально перелезет.

– Понятно! – отмахнулся он. – Фантастику почитываю... Но с чего ты взяла, что на Земле есть такая дырка? И откуда известно, что она ведет именно туда, куда нужно?

– Точно не знаю. Но ведь Юлю как-то забрали! Значит, должен быть Переход. Куда он ведет – это вопрос. Но раз Юля там, то и нам туда надо!

– Звучит обнадеживающе... – хмыкнул Генка. – Только мы не знаем наверняка, забрали Юльку или нет: вдруг до сих пор держат на Земле – ждут, когда восстановится ее Сила? Это первое. И второе: если даже Переход и существует, то мы понятия не имеем где. Разве не так?

– Вряд ли Юлю держат на Земле, – возразила принцесса.

– Подумай сам: какой смысл? Если бы они догадались, что она – не я, то заявили бы сюда снова, за мной.

– А там они, что ли, не догадались? Почему же не возвращаются?

– Потому, например, что Юля сбежала...

– Ха! Это вполне в ее стиле! – закивал Генка и осекся: – Но тогда ее еще труднее будет найти!

– Пока мы имеем одни догадки, – поморщилась Марина.

– Главное – Переход!

– И как нам его отыскать?

– Не очень сложно для меня. Я лишь должна посмотреть на Землю со стороны.

– Сейчас протелеграфируем на Байконур, забронируем тебе местечко. Или еще лучше в NASA – там как раз очередной «Шаттл» к полету готовят.

– Не надо, Гена, – покачала головой принцесса, – не остри, у тебя плохо получается. Я понимаю, ты переживаешь... В общем, ложись-ка спать, уже поздно, а я все сделаю – и вернусь.

– Ты даже не джинния, – улыбнулся Генка. – Ты Василиса Премудрая из русской сказки. Ложись, Ваня, спать – утро вечера мудренее... А сама камнем оземь бряк – и обернулась красна девица орбитальным телескопом «Хаббл»!

Марина наконец тоже заулыбалась:

– Ты не Ваня, ты Иванушка-дурачок.

– А ты откуда знаешь? – удивился Генка, и сам засмеял-

ся над двусмысленностью вопроса. – Я имею в виду, где ты русские сказки успела почитать?

– В Юлиных учебниках были отрывки, – пояснила Марина, все еще продолжая улыбаться. – Спи, Иванушка! Я скоро.

– Уснешь тут, – буркнул Генка. – А посмотреть нельзя?

– Будет очень ярко, больно глазам... – засомневалась принцесса. – Кстати, где найти место побезлюднее?

– Вон там, за гаражами, пустырь, – ткнул Генка в темное окно. – Пойдем, провожу.

– Ну пойдем, что с тобой делать, – вновь улыбнулась Марина.

Джинния-Марина-Василиса, она же принцесса Марронодарра, посоветовала ему остаться за гаражами, а сама пошла на безлюдный черный пустырь.

Генку подмывало высунуться, но на пустыре царила глухая темень – все равно ничего видно не было. Да и Марина очень серьезно предостерегла от возможных последствий, вплоть до ожога сетчатки.

Только Генка подумал об этом, как ряд гаражей напротив осветился вдруг неживым белым светом – настолько ярким, что и отраженный от стен тот заставил зажмуриться. Затем послышалось негромкое шипение, которое быстро перешло в высокий свист и тут же оборвалось. Из-под закрытых век Генка ощутил, что вокруг опять темнота. Открыв глаза, он задрал голову к звездному небу и увидел, как яркая точка

мелькнула меж звезд и растаяла.

Глава 8

Генка честно пытался заснуть. Результатом двухчасового ворочания стала скрученная в жгут простыня. Сну мешал ворох невеселых мыслей. Главная и самая тревожная – о сестре. Где она? Что с ней? Он судорожно цеплялся за призрачную надежду, подаренную Мариной, и гнал прочь нависшее над ним мрачной тучей отчаяние. Пока что ему это удавалось, но свинцовая туча в любое мгновение готова была разверзнуться и пролить потоки страдания, боли и слез. «Надо держаться, надо надеяться! – уговаривал себя Генка. – Марина поможет!»

Мысли постоянно перескакивали на Марину. Она вызывала в Генке противоречивые чувства: восхищение и страх одновременно. И еще много-много других. Восхищение преобладало, когда Марина находилась рядом. Теперь же страх постепенно овладевал им, становясь все сильнее и противнее.

Инопланетянка, пришелец, чуждый разум!.. Генку бросало в холодный пот и начинало трясти. Кто знает, что кроется на самом деле за прекрасной внешностью? Может, эта внешность – обман, облик, созданный под воздействием неких сил в его сознании. Вдруг Марина вовсе не преследуемая врагами принцесса, а разведчик инопланетных агрессоров, жуткий кровожадный паук, чудовище с мохнатыми липкими

лапами, которое отправилось собирать смертоносную стаю себе подобных для нападения на Землю? Вдруг несчастная Юлька лишь первая жертва, невольно открывшая коварные планы врага? Может, именно она в последнюю минуту и перебила в квартире все лампочки, подавая брату знак?..

Он замотал головой, рассеивая заполонившую мозги чушь. Впрочем, почему чушь? Разве не такой же чушью кажется то, что рассказала ему Марина? Звездные войны, Галактика, поделенная на два лагеря... Если это правда, если подобное творится не одну тысячу лет, то почему мы ничего не знаем? Почему Земля оказалась в стороне от поля битвы? Или она тоже втянута? Может быть, все наши земные неурядицы, конфликты и войны – лишь отголоски той Большой войны? Вдруг руководители земных правительств – ставленники джерронорров и анамадян? Ведь будь они землянами, пеклись бы о Земле и о людях, ее населяющих. А что творится на планете сейчас? Кому выгодны грязь, боль, кровь, страх, затопившие ее? Разумеется, не землянам!..

Генке стало по-настоящему страшно. Он почти окончательно уверовал в то, что втянут в грязный спектакль, поставленный неведомым и ужасным режиссером. То ли сознание не выдержало этого страха, то ли усталость от всех потрясений прошедшего дня дала о себе знать, но он провалился наконец в глубокую, черную и липкую трясику сна.

Ему приснилось море. Ласковое, синее, спокойное... Чи-

стое голубое небо, сочная зелень прибрежной полосы... Синий, голубой, зеленый – три ярких цвета, не замутненных, не тронутых тенью тревоги и мрака... Удивительно было оказаться в таком сне после всего пережитого!

Он плыл на спине, едва покачиваясь от сонного дыхания моря. Ни ветерка, ни волн – сплошное спокойствие. Но что-то его подспудно тревожило, что-то казалось неправильным. Не хватало чего-то существенного... Он решил оглядеться и поднес к глазам руку, чтобы защитить их от солнца. И сразу же понял, чего не хватает в сем безмятежном мире: солнца. Его просто не было на небе!

От испуга он неловко взмахнул руками и начал тонуть. И море сразу же из сонного и ленивого превратилось в грозное, штормовое. Огромные волны вздымали захлебывающегося Генку, швыряли вниз, переворачивали и трясли. Возникший из ниоткуда ветер, завывая, тянул: «Ге-е-ена-а! Ге-е-ена-а-а!»

И тут он проснулся. Рядом стояла Марина, все еще продолжая его трясти:

– Гена, просыпайся! Гена!

На миг ему показалось, что это и есть пропавшее солнышко – такой яркой и светлой была склонившаяся над ним девушка. Он моментально вскочил. Вспомнив, что не одет, заметался по комнате, разыскивая брюки. Марина тактично отвернулась.

– Сейчас, я сейчас! – пропыхтел Генка, прыгая на одной

ноге и просовывая вторую в запутавшуюся штанину джинсов.

Одевшись, быстро сгреб в кучу постельное белье и зачихнул в диван.

– Все! – крикнул он, собирая диван-кровать в сидячее положение.

– Пойди умойся, – улыбнулась Марина.

– Какое там! – замахал обеими руками Генка. – Потом, все потом! Рассказывай скорее!

– Иди-иди, – повторила принцесса. – А я пока чай заварю и бутербродов нарежу. За завтраком все и расскажу.

– Ну ты и вредина, – остолбенел он. – Прямо как Юлька! Скажи хоть: есть Переход?

– Есть, успокойся, – засмеялась Марина. – Дуй в ванную!

Умываясь, он и правда успокоился. Страшные мысли, мучавшие его перед сном, казались теперь откровенной глупостью. «Какой же ты паникер! – посетовал он отражению в зеркале. – Мнительный, как древняя барышня! Явный излишек фантазии. Впору книги писать...» – Он принялся ожесточенно скрести бритвой подбородок.

На кухне все было готово к чаепитию. Поднимался парок над чайными чашками. Возле каждой из них стояло по тарелке с бутербродами. Посреди стола возвышалась вазочка с конфетами и печеньем. В банку с клубничным вареньем была даже воткнута большая столовая ложка.

На Генкины глаза накатила слеза умиления. Он на мгновение представил, что на кухне хлопчет его красавица жена, что вот сейчас зайдет сюда Юлька, они дружно позавтракают и отправятся по своим делам, чтобы вечером собраться снова...

– Я все правильно сделала? – по-своему поняла странное выражение его лица Марина. – Юля вроде бы так накрывала?

– Все правильно, Марина, – кашлянув, ответил Генка. – Более чем.

– Тогда садись, – приглашая, повела рукой принцесса.

Он чинно уселся, куснул бутерброд, не торопясь запил чаем. Марина удивленно посмотрела на него:

– То ты сгорал от нетерпения, то спокойно чаи распиваешь...

– Наслаждаюсь моментом, – ответил Генка, чувствуя, что попал в самую точку. Возможно, это и есть последние спокойные минуты – если не всей жизни, то нынешнего ее этапа.

– Ну-ну, – кивнула Марина и тоже принялась за бутерброды.

Пожевав еще немного в тишине, он наконец не выдержал:

– Ну, рассказывай!

– А чего рассказывать? – спокойно ответила Марина. – Все, как я и предполагала: есть на Земле Переход. Даже не один, а целых четыре.

– Четыре?! – чуть не подавился печенюшкой Генка. – Значит, наугад придется действовать?

– Я бы так не сказала, – оставаясь спокойной, ответила принцесса. – Один Переход в другом полушарии, второй почти на Южном полюсе...

– А третий и четвертый?! – подался вперед Генка.

– Третий и четвертый недалеко. Особенно четвертый. Почти рядом... Карта есть?

Он вскочил и через минуту положил перед Мариной атлас. Та его задумчиво полистала и произнесла: «Мелковат масштаб». Поводила черенком ложки по странице Вологодской области, бормотнув: «Третий где-то там...» Перелистнула еще несколько страниц и наконец ткнула возле точки с надписью «Туапсе».

– Четвертый здесь. Там проходит дорога... м-м... по которой ездят поезда...

– Железная... – дрогнувшим голосом подсказал Генка.

– Да, спасибо, – кивнула Марина. – Недалеко от этого города она проходит через гору, через...

– Тоннель... – вновь еле слышно подсказал Генка.

– Да, тоннель, – удивленно глянула на него Марина. И закончила: – В этом тоннеле и находится четвертый Переход.

Генка тихонечко застонал.

– Ты чего? – встревожилась принцесса. – Почему плачешь?

По его щеке и впрямь покатились слезинки.

– Извини... – глубоко вздохнул он. – В одном из тех тоннелей, может быть, именно в этом... погибли наши родители.

– Что?! – Марина побледнела. – Как это случилось?

Генка поболтал ложечкой в пустой чашке, шмыгнул носом, откашлялся и рассказал, как ехали к нему на принятие присяги родители, как вызвал его потом командир и сообщил страшную весть, как пришли в родной город два цинковых гроба...

– Извини, Гена, я не знала, – коснулась его руки Марина.

– А что именно случилось с поездом?

– Точно неизвестно, – пожал он плечами. – Нам сказали, что вагон сошел с рельсов в тоннеле и загорелся. Дым быстро заполнил пространство. Кто сторел, кто задохнулся.

– И много людей погибло?

– Не знаю.

– Как не знаешь? – удивилась Марина. – Разве ты не пытался узнать подробности?

– Сначала не до того было, а потом... Знаешь, как все это тяжело...

– Гена, прости еще раз, я очень хорошо тебя понимаю, но неужели ты не читал газет, не смотрел телевизор? – почему-то не отставала Марина. – У вас ведь любят про такое говорить и писать!

Генка поморщился. Слова принцессы соответствовали действительности: про аварии, крушения и прочие катастрофы поговорить с экрана и со страниц прессы, смакуя подробности, действительно любят. И тут он понял вдруг, что не может вспомнить, был ли шум именно об этой катастрофе!

Первые дни после случившегося ему, разумеется, и правда не до того было. А потом?..

Нет, вроде бы ничего на глаза не попадалось... Официальное объяснение властей показалось правдоподобным, беречь душу себе и волновать Юльку не хотелось... Только сейчас он сообразил, что ничего не знает о трагедии – кроме нескольких скупых фраз, что сказал ему командир. Никаких подробностей! Теперь это выглядело действительно странным.

– Марина, я и правда ничего не знаю, – развел он руками.
– А почему ты...

– погоди, – легонько сжала та Генкину ладонь. – Прости, но еще один вопрос. Понимаю, тебе больно, но ты видел своих родителей... после катастрофы?

Он вздрогнул и отвел глаза.

– Их привезли в цинковых запаянных гробах. Сказали, что... В общем, открывать нельзя.

Марина удовлетворенно кивнула.

– Что? Что такое? – насторожился Генка.

– Тебе не кажется странным, что на фоне прочих катастроф именно эта прошла как бы... незамеченной?

Генка нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

– Подумай сам: катастрофа происходит в месте Перехода, что само по себе меня настораживает. Далее, она не освещается в прессе и на телевидении – тоже, согласишься, немного

странно.

– И что?

– Гена, ты только не относись к моим словам слишком серьезно, – спохватилась принцесса, – но вдруг пассажиры того поезда... попали в Переход?

Генка на какое-то время перестал дышать. А потом выпалил:

– Ты хочешь сказать, что они... живы?!

– Гена, Гена, Гена! – вскочила Марина, поняв свою оплошность. – Прости меня, я просто дура! Это лишь версия, она маловероятна...

– Но вероятность все-таки есть?

– Не знаю. Прости...

А Генка расцвел внезапной надеждой. Он подскочил к принцессе, обнял ее за талию и закружил по кухне.

– Мы спасем их всех! – радостно завопил он. – И Юльку, и маму, и папу!

Лишь поставив Марину на пол, он впервые за время их знакомства увидел на ее глазах слезы.

Глава 9

– Скорый поезд номер ...надцать сообщения «Москва – Адлер» прибывает к первой платформе. Нумерация вагонов начинается с головы состава. Повторяю...

Гнусавый привокзальный динамик прохрипел сообщение еще раз, и Генка поднялся со скамейки, вглядываясь вдаль.

Одет он был все в те же джинсы и футболку, постирать рубашки так и не удалось, вдобавок на плече на одной лямке болтался полупустой рюкзак. Туда он, собираясь в дорогу, бросил мыло-пасту-щетку-бритву, смену белья, пакет с бутербродами и парой яблок, складной нож, джинсовую курточку. На вокзале добавил к скудному набору пластиковую бутылку минералки. Кроме того, в одном из карманов рюкзака лежали паспорта, его и Юлькин, а в другом – маленькая пластиковая же бутылочка из-под фанты. Генка машинально дотронулся до кармана, проверяя наличие бутылки, и подошел к краю платформы.

Конец августа, на носу бархатный сезон – желающих поплескаться в море под южным солнышком оказалось немало. Отстояв с утра трехчасовую очередь, он услышал от нервной кассирши злобную фразу: «Нет билетов на адлеровский! Сколько можно повторять?!» – и чуть было не запаниковал. Но женщина из очереди подсказала, что за час до прибытия

поезда снимут бронь, – может быть, что-то и появится. Пришлось потомиться в гудящей душной толпе еще часа два, и вождеденный билет ему все-таки достался. Правда, на боковую верхнюю полку, но было все равно, ехать меньше суток. Хуже было, что денег осталось всего триста рублей с мелочью, даже одному на обратный билет не хватит. Впрочем, один Генка возвращаться не собирался, а все вместе они найдут выход из этой пустяковой ситуации. Его волновали совсем иные проблемы, против которых отсутствие денег и не проблема вовсе, а – тьфу! – плюнуть и растереть.

Он стоял на краю платформы, бережно придерживая за карман рюкзак, и с надеждой смотрел на приближающийся локомотив. Куда привезет его этот усталый потрепанный поезд? Уж точно не на курорт.

«Эх, если бы Марина была рядом!» – невольно подумал Генка. Одно ее присутствие в последнее время вселяло в него уверенность. «В последнее время... – усмехнулся он собственным мыслям. – Я ее знаю чуть больше суток».

Впрочем, Марина – принцесса Марронодарра, джинния из лампочки – находилась как раз рядом с ним. Она болталась на его плече – в кармане рюкзака, в бутылочке из-под фанты. Ей пришлось в очередной раз превратиться в белесый туман, поскольку путешествовать в человеческом обличье не представлялось возможным: во-первых, упомянутый уже дефицит денег, во-вторых, отсутствие документов, в-третьих, не стоило забывать, что на Земле Марина находи-

лась всего вторые сутки и что за ней велась самая настоящая охота, а в роли охотников выступали – страшно подумать! – инопланетные повстанцы.

Перед тем как «лезть в бутылку», Марина договорилась с Генкой, что тот выпустит ее примерно за полчаса до тоннеля. Он и сам с удовольствием бы сейчас во что-нибудь превратился, только бы отдохнуть хоть пару суток от выпавших треволнений. Но он не был ни джинном, ни магом, ни даже простым волшебником из русских сказок. Приходилось надеяться на то, что удастся немного поспать в поезде под стук вагонных колес.

Получив у проводницы белье, он сразу запрыгнул на полку и попытался заснуть. Но спать днем он не привык, да и компания напротив попалась шумная – четверо не очень трезвых мужчин. Так что он просто лежал с закрытыми глазами и невольно прислушивался к веселому трепу соседей.

Сначала те принялись доставать некрасивую толстушку лет тридцати, сидевшую под Генкой. Собственно, толком он ее рассмотреть не успел. Заметил лишь малюсенькую тонконогую собачонку, которую та держала на руках. Попытался вспомнить название породы, да так и не смог. Теперь мужики потешались над бедной собачкой и ее хозяйкой в придачу:

– Волкодав!.. Я теперь заснуть не смогу – загрызет, нахрен, во сне!

– Ага! А не загрызет – так отгрызет что-нибудь!

– Девушка, а девушка! А как зовут вашего волкодава? Или

это легавая?

– Девушка, это сука или кобель? А он ничем не озабочен? Ночью не набросится?

Дружное ржание всех четверых. Толстушка молчала.

Генка повернулся набок. Очень хотелось сказать соседям, чтобы оставили несчастную собаку вместе с хозяйкой в покое, но он прекрасно понимал возможные последствия. Препирая себя за малодушие, снова перевернулся на спину.

– Девушка, а девушка! К вам люди обращаются: как зовут вашего зверя?

– Козел, – неожиданно грубым голосом ответила хозяйка.

– Кто козел? Пес – Козел?! Ха-ха-ха! За что ж вы его так?

– Когда я его зову, половина мужиков оборачивается, – выдала женщина.

В купе напротив повисло молчание. Соседи думали.

– Это кого ты сейчас козлами назвала? – прозвучало наконец оттуда.

– Вы что, как раз из той половины? – буркнула толстушка.

Кто-то из мужиков хихикнул, но тут же громко ойкнул:

– Ты че?! Больно же!

– А хрен ли ты ржешь?!

Вслед за этим полился бурный поток нецензурной брани, несший в себе лишь мелкие щепочки обычных слов. Вскоре к ругани добавились звуки глухих и хлестких ударов, треск рвущейся ткани, звон металла и стекла, вопли ярости и боли. Затем волна звуков стала распространяться по вагону в

виде возмущенных криков, любопытных возгласов, детского плача и женского визга.

Генка сам не понял, как оказался на ногах лицом к разгоряченной компании, сжав потные ладони в кулаки.

– Немедленно прекратите! – по-петушиному вырвалось из горла.

Мужики замерли в немой сцене, немигающе уставившись на него. Тишина, словно волна от брошенного в воду камня, покатилась по вагону, пока не завладела им полностью. Только колеса продолжали бесконечный пересчет рельсовых стыков да жалобно взвизгивала собачонка за Генкиной спиной.

Наконец ближайший мужчина в рваной рубаше шмыгнул разбитым носом, сплюнул кровавый сгусток Генке под ноги и ласково произнес:

– Ты чего щас вякнул?

– Прекратите бе-езобразие! – жалобно проблеял Генка, неуклюже взмахнув рукой, и тут же почувствовал, как пол резко ушел из-под ног, рот наполнился соленым, а голова загудела, словно колокол. Гудение быстро перешло в затухающий звон, вместе с которым погас и свет.

Очнулся он от приятной влажной прохлады, обволакивающей лицо. Не раскрывая глаз, поднял руку и коснулся лба. На лице лежала мокрая тряпка. Генка приподнял голову и тряпка, оказавшаяся вафельным полотенцем, упала на грудь.

– Лежите-лежите! – раздался низкий женский голос, в котором слышались одновременно испуг и восхищение.

Генка скосил глаза. Перед ним возникло лицо давешней толстушки.

– Лежите-лежите, – повторила та нежно. – Кровь может снова пойти!

– А где... эти? – прогундел он и поморщился от боли в разбитой губе.

– Там, где и положено, – улыбнулась толстушка, – в милиции. Здорово вы их! Как это у вас получилось?

– Что получилось? – снова поморщился Генка. Только сейчас он понял, что лежит на нижней полке, в том самом купе, где недавно ехали пьяные хулиганы.

– Как что?! – всплеснула руками толстушка. – Одним ударом свалить четверых – разве этого мало? Пока проводница бегала за милицией, они так и валялись на полу. Как куклы, право слово! Кучей друг на друге.

Генка ничего не понимал. Вдобавок к саднящим губе и носу ужасно болела голова. Дотронувшись до затылка, он обнаружил здоровенную шишку – видимо, при падении крепко к чему-то приложился.

И тут он вспомнил о главном! Пружиной слетел с полки и бросился к верхней боковушке.

– Где мой рюкзак?! – истерично завопил Генка, разом забыв о боли. – Он лежал тут! Тут! – забарабанил он кулаками по бурому дерматину.

Испуганно затывала собачка. Толстушка отпрянула, потом бросилась к нему, успокаивая:

– Все в порядке, все на месте! Сядьте-сядьте! Все на месте!

– Где? Где на месте?.. – заозирался Генка.

– Я положила ваш рюкзак в ящик под полкой. Проводница разрешила переселить вас сюда, где сидели эти уроды! – Толстушка грозно помахала пухленьким кулачком. – Я перестелила вам, а вещи положила вниз.

Он бросился к полке и рывком поднял ее. Рюкзак был на месте. Генка судорожно схватился за карман – бутылочка из-под фанты никуда не делась. Но он все-таки расстегнул ремешок и откинул клапан. Только увидев белесое полупрозрачное содержимое бутылки, шумно выдохнул.

– Там у вас что-то ценное? – спросила толстушка, откровенно пытаясь заглянуть через его плечо. Генка что-то промычал в ответ и быстро опустил полку. Мысленно ругая себя за несдержанность, он понял, что распалил женское любопытство. Стоит теперь отлучиться – в тот же туалет, куда и в самом деле хотелось, – как толстушка обязательно полезет в рюкзак. И Генка решился на отчаянный шаг.

– Только никому не говорите, – зашептал он, вновь поднимая полку, и наполовину вытащил бутылочку из кармана рюкзака. – Это – предсмертный выдох моего дедушки. Везу его бабушке: она так мечтает насладиться напоследок запахом любимого! – Генка почти искренне всхлипнул, нос опять

стал кровенить.

– Ах! – зажмурилась толстушка, бледнея. – Но там что-то мутное.

«Глазастая, зараза!» – отметил он про себя, а вслух трагически произнес:

– Дедушка очень много курил, от легких остались одни ошметки. Боюсь, он туда не только воздух выдул... К тому же врачи подозревали у старика туберкулез.

Бедная женщина резво отпрыгнула, едва не раздавив своего хвостатого друга, который заверещал так, словно увидел собачье привидение.

– Простите, – еще раз шмыгнул Генка носом, спокойно застегивая карман рюкзака.

В туалете он внимательно рассмотрел в зеркале свою новую личину. На себя он теперь походил мало. Если раньше даже немного гордился прямым, тонким, вполне аристократическим носом, то теперь посередине лица красовалось нечто сизое, больше похожее на маленький баклажан. Верхняя губа распухла и задралась, обнажив зубы, – правда, красивые, белые и ровные. Он обеспокоенно потрогал каждый. Левый верхний клык слегка шатался. В остальном все выглядело более-менее в порядке, если не считать кровавых пятен на футболке.

Сделав свои дела, он умылся, обтер одежду мокрыми руками, а когда вышел из туалета, удовлетворенно отметил, что полная спутница, вжавшись в стенку, сидит на своем месте

и смотрит на его полку так, словно под ней копошится гадючий клубок.

Глава 10

Станция называлась изумительно – «Индюк». Откровенно говоря, Генка уже сам себя ощущал этой глупой, напыщенной птицей. Надо же, возомнил себя героем, собравшимся в одиночку сражаться с инопланетянами! И где – в неведомых глубинах Галактики! Впрочем, почему один? Марина рядом, теперь в настоящем человеческом обличье. Ха, «человеческом»! Да она же не является человеком по сути!

Сомнения позапрошлой ночи вновь заполнили его мозги. Что он тут делает? Поверил странной, может быть, чокнутой тетке, бросил работу – пусть нудную и временную, но все-таки, – сорвался в одночасье и оказался где? В каком-то Индюке!.. Но Юлька, сестренка! Ее ведь нужно кому-то спасать!.. Впрочем, почему он втемяшил в голову, что справится с этим лучше тех, кто обязан уметь спасать людей – той же милиции, к примеру? Почему не обратился туда, как только понял, что сестру похитили? Да все потому же – поверил Марине. А если она в сговоре с похитителями? Что, если она специально затащила его сюда, чтобы не смог помешать черному делу?.. Тьфу, муть какая! Марина сама спасается от... Тьфу, опять же – с ее только слов! Одна шайка, одна банда... Марина! Какая она, на фиг, Марина? Ее имя и выговорить-то невозможно! Отличное имя, чтобы мозги запудрить. А язык? Разве можно выучить его за пару часов? Сказ-

ки для лохов!.. Да? А превращение в дым, помещающийся в лампочке или в бутылке? А луч, на его глазах вознесшийся в небо? Тоже обман, наведенная галлюцинация? А ее глаза, искрящиеся звездным светом? Разве они могут обманывать?..

– Гена, что с тобой? – Рука принцессы легла на Генкино плечо, заставив его вздрогнуть. – Пойдем, поезд ушел.

– Да, поезд ушел... – со вздохом кивнул он и, получив в ответ улыбку, от которой зачастило сердце, понял глубокий смысл этой случайной фразы. К удивлению, стало вдруг очень легко. Сомнения снова рассеялись, уступив место солнцу, льющемуся из Марининых глаз.

«Ну я и скотина!» – мысленно обругал он себя и даже скрипнул зубами от нахлынувшего жгучего стыда.

– Да что с тобой, Гена? – снова спросила Марина, уже с тревогой глядя на него. – Тебе плохо? Все еще больно? Извини, я немного опоздала...

– Так это ты?! – ахнул Генка. – Это ты – тех мужиков?! Но ты же была в бутылке!

Марина, полыхнув огнем взметнувшихся волос, обворожительно рассмеялась.

– Нет, это сделал ты! – заверила она, ослепительно улыбаясь. – Я только чуть-чуть тебе помогла. Поделилась Силой.

– Но ты же ничего не видела!

– Почему ты так думаешь? Видеть можно не только глазами. Не могла же я оставить тебя совсем одного.

– Вот оно что, – дернул он головой. – А я-то удивлялся: чего это толстуха так моим героизмом восхищается?

– Да, ты хорошо им вмазал! – снова засмеялась Марина.

– Да ну тебя! – Генка поддернув рюкзак и отвернулся. – Хватит издеваться, пойдем!

– Я не издеваюсь, – не двинулась с места Марина. – Ведь это сделал действительно ты. Не я же столкнула тебя с полки. Ты сам сделал выбор, несмотря на то, что силы были неравны. Ведь ты даже не думал об этом, правда? Ты просто знал, что должен поступить именно так. Поэтому и победил. У тебя была правда – значит, у тебя была сила. Настоящая сила! А моя стала всего лишь катализатором, небольшой подпиткой. Мне показалось даже, что ты сам взял ее, словно Избранный Джерронорр... А может, так оно и есть? – Последние слова она произнесла едва слышно.

– Ладно, идем. – Генка продолжал хмуриться, но ему все-таки полегчало от Мариной проникновенной тирады.

Пройдя небольшой поселок с нелепым названием, Генка с Мариной ступили на тропинку, тянувшуюся вдоль железнодорожных путей. Вокруг благоухала южная растительность. Слева, под крутым откосом, шумела мутная речка, начинавшаяся где-то в горах, лесистыми ежиками заслонявших горизонт. Между их не столь уж высокими вершинами проглядывали далекие-далекие, но даже отсюда казавшиеся величавыми отроги Кавказского хребта. Справа от железной

дороги возвышались похожие лесистые холмы. И впереди также высился один из них.

К нему и бежали рельсы, исчезая в портале тоннеля, выложенном каменными плитами. Перед зияющей чернотой пастью имелась деревянная будочка, возле которой виднелась фигурка в камуфляже. До нее оставалось метров двести, не больше.

Генка остановился, всматриваясь в неожиданное препятствие. Марина тоже увидела человека в форме.

– Это кто? – почему-то шепотом спросила она.

– Ч-черт его знает... – прошептал Генка, потом вдруг хлопнул себя по лбу: – Блин! Тоннели же всегда охраняются! Мосты, тоннели – это все стратегические объекты.

– Ну вот, а Юльку ругаешь за «блины», – улыбнулась Марина.

Но Генке было не до веселья.

– Тут и не так заругаешься, – буркнул он. – Что теперь делать? Лучше бы из поезда выпрыгнули прямо в тоннеле.

– Ага, и по стене размазались, – кивнула Марина. – Переход ведь не во всем тоннеле, надо его еще найти.

– А почему же папа с мамой... – начал Генка и осекся.

– Вот-вот! – подхватила Марина. – Если бы Переход оставался постоянным, то все бы поезда в него проваливались. А так – раз в сто лет, может, случается. Но он там есть: то больше становится, то меньше, еще и перемещается в небольших пределах.

– Откуда ты знаешь? – перебил Генка. – Ты же здесь первый раз?

– Я тебе как-то говорила: пространство Вселенной, ее материя – неоднородны. Подобные Переходы пронизывают ее в бесчисленных точках. Вселенная живет, дышит, движется – поэтому нити Переходов переплетаются между собой, обрываются, появляются новые... Входы-выходы, типа этого тоннеля, остаются зачастую на своих местах, но если сегодня отсюда, например, можно попасть в одно место, то завтра – совсем в другое... Это сложно объяснить. Я и сама не все понимаю.

– Значит, вот почему пассажиры того поезда не смогли вернуться назад! – догадался Генка.

– Не только, – мотнула головой Марина. – Есть Переходы... как бы лучше выразиться... односторонние, что ли... а есть двусторонние. То есть по одним можно пройти только туда, а по другим – туда и обратно.

– И этот тоннель... – начал он.

– Вход одностороннего Перехода, – закончила Марина.

– А остальные три?

– В другом полушарии тоже односторонний, только там выход; два других – двусторонние.

– А почему мама с папой и другие пропавшие не выходят оттуда?! – закричал было Генка, но, опомнившись, завершил фразу «кричащим» шепотом.

– Понимаешь, вторые концы Переходов могут отстоять

друг от друга на... – Марина вспомнила, что не знает земных мер астрономических расстояний, и закончила по-иному: – Они могут находиться на разных концах нашей Галактики, а то и вообще в других системах. Хотя это и маловероятно: почти все Переходы ограничены именно нашей Галактикой.

– Ты меня утешила, – грустно улыбнулся Генка и тут же нахмурился снова. – Постой, но если выход из этого Перехода сегодня может оказаться совсем не там, где был вчера, то мы можем вообще никогда не найти Юльку и... маму с папой.

Марина вздохнула и положила ему на плечо руку.

– Гена, ты не забыл, что о твоих родителях я высказала всего лишь предположение? Ну, что они вообще попали в него?

– Не забыл, – опустил он голову. – Но ведь надежда на это все-таки есть! Пусть даже и совсем маленькая.

– Есть, – согласилась принцесса. – А насчет того, что положение точек выхода меняется... Видишь ли, все происходит не столь быстро. Я ведь фигурально выражаюсь. В космическом масштабе и миллион лет – «вчера». А земное «вчера» для Вселенной даже не «сегодня», а «сейчас». И полтора земных года тоже далеко еще не «вчера». Так что насчет этого можешь не беспокоиться. И вообще, если Юля сейчас не там, куда ведет Переход, это не значит, что ее невозможно найти. Я ведь знаю, кто ее похитил... Не кто именно, а какие силы стоят за похищением. Вот... Ты меня понял?

Генка уразумел лишь то, что Марина и сама переживает не меньше, чем он. Это его не испугало, а напротив, добавило уверенности в том, что гнусные подозрения насчет Марины совершенно напрасны, что она самый настоящий человек, хоть и рожденный не на Земле. И еще он понял отчетливо, что, кажется, все-таки «втрескался» в гостью, выражаясь Юлькиным языком.

– Что же делать с солдатом? – нарочито хмурясь, дабы не выдать свое состояние, спросил Генка.

– Нападем и свяжем.

– Ты что? – испуганно уставился он на принцессу. Та не выдержала и рассмеялась:

– Да шучу я, шучу! Есть выход. Надо просто, чтобы солдат нас не увидел.

– Ты можешь сделать нас невидимыми? – разинул рот Генка.

– Могу, но это отнимет слишком много Силы, а ее лучше сейчас поберечь. Подобное чересчур расточительно, как говорят у вас: из пушки по воробьям.

– А как же тогда?

– Я сделаю так, что он нас не увидит.

– Что-то вроде гипноза? – догадался Генка.

– Не забывай, я не все ваши слова знаю, – качнула головой Марина. – В Юлиных учебниках этого не было, по телевизору тоже.

– А-а... В общем, это внушение как бы: что скажешь че-

ловеку, то он и делает. Только сначала его вводят в специальное состояние – усыпляют, что ли, но не до конца. Короче, что-то типа того.

– Я так примерно и подумала. Да, то, что я собираюсь сделать, похоже на гипноз. Только усыпить не буду. Идем!

Принцесса зашагала по тропке прямо к будке охранника. Генка потоптался пару секунд в сомнениях и двинулся следом. Когда они поравнялись с военным, тот спокойно стоял возле будки, вяло переминаясь с ноги на ногу. Марина, как показалось Генке, даже не взглянула ни разу на парня в камуфляже с автоматом за спиной. А Генка несколько раз опасливо на него покосился. Солдатик хоть и пробежал по ним ленивым взглядом, реагировал на них не больше, чем на деревья и кусты. Он и правда не видел их! Все же Генка невольно ускорил шаг и, обогнав Марину, первым вошел в тоннель.

После горячего южного солнца прохлада казалась приятной. Но в голове родились неприятные ассоциации. «Словно в могилу лезем», – подумал Генка, и невольно затормозил. Принцесса ткнулась ему в спину.

– Что? – спросила она.

– Да нет, ничего, – ответил он, потом добавил: – Жутковато чуток.

– Мне тоже, – неожиданно призналась Марина. – Но рядом с тобой – не очень.

Генка фыркнул и мотнул головой: «Ну, сказанула! Издается? Или приободрить хочет?.. А все равно приятно такое услышать, оказывается». Так ничего и не ответив, он подернул рюкзак и затопал в темное чрево.

Чем дальше отходили они от арки портала, тем сильнее, почти физически ощутимо, наваливалась на плечи тьма. Она давила со всех сторон, словно гора начала сжиматься, стесняясь нелепой дырки в боку. Еще немного и Генкин страх перерос бы, пожалуй, в панику, но именно в тот момент, когда ноги сами собой приросли к полу, Марина остановилась тоже.

– Стой! – тихо и властно сказала она, хотя Генка и так уже стоял. – Мы у входа.

– Уже?..

Ему сделалось еще страшнее. Темнота тоннеля неожиданно показалась уютной и доброй. До сих пор он думал о грядущей встрече с иными мирами как-то отрешенно, не примеряя всерьез предстоящее путешествие на себя. Он сам выбрал этот путь, но невольно заставлял себя не проигрывать его мысленно наперед. Ему было просто-напросто страшно, все выглядело нереальным, невозможным и нелепым. Этому не учили в школе, об этом не писали в газетах, это вообще не лезло ни в какие ворота!

У Генки перехватило дыхание и затряслись колени. Он невольно всхлипнул и почувствовал, что еще немного – и разрыдается... Вдруг впереди послышался нарастающий гул.

Мелко задрожала под ногами земля, в лицо дунуло ветром. «Что за...» – заворочалось в отупевшей от переживаний и страхов башке.

– Поезд! – догадалась Марина. – Давай скорее!

Гул становился все громче и громче, земля дрожала отчетливее, а в тоннеле с каждым мгновением становилось светлей. Наконец стал виден и источник света – прожектор локомотива яркой звездой вспыхнул вдруг не так уж и далеко. И приближался он стремительно.

– Прыгай! Сюда прыгай! – тянула Генку за рукав принцесса, показывая другой рукой на стену тоннеля. Но его ноги словно приросли к земле. А прожектор вырос уже в солнечный диск, ужасный грохот давил на уши, ветер трепал волосы... Генка смотрел на мчавшуюся прямо на него смерть и абсолютно ничего не испытывал. Мозги словно окаменели вслед за ногами.

Марина продолжала что-то кричать. Теперь она и сама себя не слышала. Ее тоже охватила паника, и о чудодейственной Силе – могущественном Даре Неведомого – принцесса джерронорров вспомнила в самые последние секунды. Схватив Генку поперек туловища, она дернула его на себя, одновременно опрокидываясь на спину. Тепловоз успел все же чиркнуть железным боком краешек Генкиной кроссовки перед тем как нечто более темное, чем обычная мгла, подхватило и всосало в себя два сгустка мыслящей белковой плоти.

Часть II. Поезд дальнего следования

Глава 11

Что отделяет жизнь от смерти? Медленное угасание красок, запахов, звуков или резкий переход от света к мраку? Когда человек перестает ощущать себя живущим, успевают ли он понять, что уже умер? На эти вопросы мог бы ответить только умерший. Но живые его не слышат.

Генке показалось, что он узнал ответ. Потому что на какое-то время умер... Правда, тут же все и забыл – так разбуженный забывает порой прерванный сон.

Генка тоже проснулся. Или воскрес. А может, родился – вот в этот миг, с сознанием, запачканным чьими-то воспоминаниями, как белая рубашка соком надкушенного помидора. Хотя при чем тут помидор? Это же был чай! Конечно, чай, которым облила его Юлька. Юлька!..

Он вздрогнул и открыл глаза. И почему-то ничего не увидел. Зато снова был самим собой: дышал, чувствовал, мыслил, помнил... Последнее воспоминание – ревушая громадина тепловоза. Генка поежился и машинально поджал ногу, которой коснулся локомотив. Нога, между прочим, немного

болела. Совсем чуть-чуть – как после пинка по чему-то тяжелому, но не твердому. И сидел он сейчас на чем-то нетвердом. Пошарил вокруг руками и пришел к выводу, что под ним, скорее всего, мох. Или трава, только очень низкая, густая и упругая.

«Почему я ничего не вижу? – забеспокоился он. – И не слышу, кстати!»

Тут же раздался тревожный полусшепот Марины:

– Э-эй! Ты где?

Генкино сердце радостно застучало.

– Я здесь! – приподнялся он. – Здесь я!

– Стой там, сейчас подойду! – отозвалась принцесса. В ее голосе прозвучала откровенная радость, что Генка отметил с удовольствием.

– Стою! – крикнул он в темноту.

Невдалеке зашуршало... Генка почувствовал, что губы его растянулись в глупой улыбке. «Вот уж радости-то полные штаны», – попробовал он «рассердить» себя, но согнать с лица улыбку не удалось. «А ведь я и правда влюбился! – радостно отметил он. – Мне бы сейчас от страха орать, а я улыблюсь, едва слышав Маринин голос. Ну и хорошо, ну и ладно. Когда-нибудь все равно это должно было случиться».

– Э-эй! Ты голос-то подавай! – прервала приятные размышления Марина, «озвучившись» совсем с другой стороны.

– Я здесь! – крикнул он и принялся повторять, словно ме-

ханический «попка»: – Я здесь, я здесь, я здесь...

– И я здесь! – Маринины руки внезапно обхватили Генкины плечи, а пахнущие солнцем волосы защекотали лицо. Принцесса уткнулась лбом в его подбородок и еще крепче сжала руки.

Генка задохнулся. Но не оттого, что Маринины объятия мешали ему дышать... Точнее, именно они-то ему дышать и мешали, но не в прямом, так сказать, механическом смысле, а потому что он ощутил вдруг себя самым счастливым человеком на свете. Ему просто не нужен стал воздух, и свет, и все остальное, чем привык гордиться материальный мир. Это все заменило ему присутствие рядом любимой. Даже не обязательно рядом... Даже не обязательно присутствие... Достаточно было одного осознания, что она есть. А если к тому же вот так – тогда можно поверить в любую иную форму жизни!

Он медленно, словно боясь обжечься, поднес руки к ее волосам, провел по ним, едва касаясь, бережно взял в ладони лицо Марины, склонился к нему и поцеловал ее губы неуклюже, неумело...

Рассвет все-таки наступил. Почти земной, только избыточно лилового цвета. Из-за деревьев, тоже почти земных, местного солнца еще не было видно, но мрак уже рассеялся достаточно, чтобы помимо злобных, испуганных теней, различить и сами деревья, их отбрасывающие, и редкие, густые

заросли не то высоченной спутанной травы, не то кустарников, возле которых сгустки мглы все еще казались продолжением ночи. Черные на темно-лиловом – они навевали отнюдь не радостные ассоциации.

Марина невольно прижалась к Генке, а тот в ответ обнял ее и поцеловал в макушку.

– Жутко, правда? – подняла лицо принцесса.

– Да уж... – согласился он, но тут же спохватился: – Ничего, не бойся. Сейчас рассветет.

– Да я и не боюсь. А все же ночью было как-то веселее.

Замечание прозвучало двусмысленно, и Марина, осознав это, застенчиво хихикнула. Генка неопределенно крикнул в ответ и поблагодарил местное светило за то, что оно еще не успело подняться достаточно высоко – он чувствовал, что его лицо запылало.

Глянув на Марину, он увидел, что в неверном свете занимающегося рассвета ее волосы стали похожи на багряный нимб, на солнечные протуберанцы... Лицо ее неясно белело, но Генка знал, что и оно под стать настоящему солнцу.

Зрелище было настолько прекрасным, что он невольно задержал дыхание, боясь спугнуть ослепительное счастье, вспыхнувшее внутри него, подобно еще одному светилу. Вспомнился давешний сон – мир без солнца.

«Да вот же оно, мое Солнышко!» – чуть не закричал Генка. Но не закричал, а тихо-тихо выдохнул:

– Солнышко...

– Что? – тряхнув солнечной короной, наклонила принцесса голову.

– Ты – мое Солнышко. Ты несешь радость и свет. И ты... ты прекрасна!

Марина легонько дотронулась до его руки, но ничего не сказала. На лице ее мелькнула улыбка. А может, ему это лишь показалось в полумраке.

Постепенно тени из черных стали темно-лиловыми, мир вокруг совсем по-земному порозовел. Вскоре первые солнечные лучи пробились между деревьев. Лес сразу стал совсем не страшным, наоборот, сказочно-лубочным, домашним и добрым. Выяснилось, что он вовсе не густой, тем более не дремучий, как показалось в первые минуты рассвета.

– Мы не на Земле случайно? – спросил Генка, оглядевшись вокруг.

– Тебе виднее, – хмыкнула Марина. – Только вряд ли. Закольцованных Переходов не бывает, насколько я знаю. И воздух здесь немного другой, и сила тяжести чуточку меньше.

Генка с уважением на нее покосился. Сам он разницу между земным и здешним воздухом не различал, пахло просто по-лесному вкусно. А уменьшение веса если и присутствовало, так он сейчас летал на крыльях любви и вполне мог ошибиться в первопричине сего явления.

– И куда мы теперь? – закрутил он головой.

– Туда, – ткнула пальцем принцесса.

– Почему именно туда? – удивился Генка.

– А какая разница?

Разницы действительно не было, и парочка, взявшись за руки, бодро зашагала куда глаза глядят.

Лес кончился быстро. Перед Мариной и Генкой до самого горизонта тянулись низкие пологие холмы, поросшие редким кустарником с еще более редкими деревьями. Между холмами, петляя, устремляясь к горизонту река не река, но судя по ширине, уже и не речка. В траве что-то блеснуло. Марина грациозно нагнулась и подняла маленький белый прямоугольник, ламинированный в пластик.

– «Товары для дома», – прочитала она. – «Мордвинова Людмила Михайловна, продавец».

– Что-что-что?! – Генка выхватил карточку из рук Марины так резко, что та вздрогнула.

Он уставился на кусочек пластика, словно никогда в жизни не видел ничего подобного, держа его в вытянутой руке как нечто потенциально опасное или заразное.

– Мордвинова Людмила Михайловна... – шептали побелевшие Генкины губы, – продавец... Мордвинова Людмила... «Товары для дома»... продавец...

– Да, именно так, – хмыкнула Марина, немного обиженная его бестактной выходкой. – Я умею читать по-русски, можешь не проверять.

– Ты не понимаешь! – замахал он карточкой, словно пы-

таясь взлететь. – Это же Люська! Люська Мордвинова! Моя одноклассница!

– Я рада за тебя, – почему-то еще больше обиделась принцесса.

– Ты что, и правда не понимаешь? – Генка перестал наконец размахивать карточкой и теперь уже на Марину глядел, как на невиданное чудо. – Она здесь была!

– Совсем необязательно, – продолжала хмуриться Марина. – Карточку мог оставить кто угодно.

– Это что, проходной двор? И потом... А-а, ты ведь не знаешь! – хлопнул он по лбу свободной ладонью.

– Наверное, это твоя школьная любовь, – ехидно улыбнулась принцесса.

– Что с тобой? – нахмурился Генка. – Я тебя не узнаю... Ты как Юлька стала.

– Ладно, все! – Марина и сама вдруг поняла, что не может себя узнать. Это разозлило ее и в то же время озадачило. Но она быстро сумела взять себя в руки и по крайней мере внешне успокоилась. Уже вполне обычным тоном, разве что слегка извиняющимся, она спросила:

– Так что ты хотел сказать?

Словно невзначай, она положила ладошку на Генкино плечо и снимать ее не спешила. Генка тихонько крикнул, прочищая горло от внезапного комка. Подозрительно косясь на Марину, рассказал ей про поход за лампочкой, про ночное нападение на магазин, о котором поведала ему Люська

Мордвинова, про то, как она дала ему лампочку – именно ту, из которой «вылупилась» Марина...

– О-го-го! – замотала та головой, сжав ее ладонями. – Как все плохо!

– Да уж, ничего хорошего, – согласился он.

– Людмилу тоже украли, – сказала Марина.

– Я уже понял, – кивнул Генка.

– Это тот магазин, где мы с Герромондорром... Видимо, он успел передать им всю информацию. Они пришли, нашли Людмилу, заставили все рассказать – они это умеют...

– Но Людмила ничего про тебя не знает!

– Зато знает про лампочку. И знает, куда она делась. Они пошли к тебе домой и Людмилу взяли с собой... А потом сюда... Но зачем? Не понимаю.

– Я тоже, – закусил губу Генка. – Постой, а может, и правда Люськи здесь не было? Юлькины похитители могли взять карточку, а потом выбросить.

– Ага, чтобы дать нам знак, что мы идем по верному следу, – усмехнулась принцесса.

– О-о! – снова шлепнул он по лбу. – Правильно, это Люська нам знак подала! Значит, она здесь.

– Или была здесь.

– Почему... была? – испугался Генка.

– Эта планета – не конечный пункт, – пожала плечами Марина. – Это... – она стала подыскивать нужное слово.

– ...перевалочная база, – закончил он за нее. – Транзит-

ный аэропорт.

– Можно и так сказать.

– И что нам теперь делать? Где посадка на наш рейс? – попытался пошутить Генка.

– Сейчас спросим у лодочника, – ответила Марина.

– У какого еще лодочника? – ожидая подвоха, покосился он на нее.

– Вон у того, что плывет по реке.

Глава 12

По течению реки, изредка подгребая веслами, плыл в похожей на корыто плоской неуклюжей лодке мужчина. Издалека рассмотреть его было сложно, и все же с большой долей вероятности можно было утверждать, что от земных мужчин он ничем не отличался. Даже одеждой. Во всяком случае то, что на нем имелось, казалось обычными пиджаком и брюками.

Генка опрометью бросился вниз по склону к реке.

– Постой! – оправилась от секундного замешательства Марина и кинулась его догонять.

К воде они подбежали в тот самый момент, когда лодка ткнулась плоским носом в глинистый берег. Лодочник неспешно уложил вдоль бортов весла, поднялся со скамейки и повернулся к Генке с Мариной.

Это и правда был самый обычный мужчина – лет сорока пяти, в мятой и старенькой, но вполне земного покроя пиджачной паре, брюки закатаны до колен; в некогда белой, а теперь грязно-серой рубашке; босой, всклокоченный, явно не брившийся нынешним утром. Типичный образчик деревенского перевозчика-лодочника из российской глубинки.

Он кивнул Генке, как старому знакомому, Марине – более вежливо и учтиво и спросил густым хриплым басом:

– Закурить не найдется?

– Н-не курю, – с трудом вымолвил Генка.

– Сейчас! – Марина отвернулась и через секунду-другую протянула незнакомцу неведомо откуда взявшуюся сигарету.

– Эх, «Беломору» бы... – с тоской в голосе пробасил тот, но сигарету все-таки взял, помял в грубых, заскорузлых пальцах, благоговейно поднес к носу. – Больше года, считай, табачку не нюхал, – благодарно посмотрел он на Марину. – Еще бы огоньку...

Та подняла с земли сухую веточку, снова отвернулась на пару мгновений, а когда повернулась – ветка уже весело горела.

Лодочник, казалось, ничуть этому не удивился, взял у нее веточку; прикурив, отбросил в воду, отчего та обиженно пшикнула и медленно поплыла прочь. Мужчина блаженно затанулся и тут же закашлялся.

– Отвык... зараза! – сквозь кашель пояснил он, кулаком вытирая выступившие слезы. Но сигарету не выбросил, сунул в рот и стал дымить осторожно, почти уже не затягиваясь.

Генка и Марина терпеливо ждали, пока лодочник отведет душу. Его лицо выражало такое умиротворение, что задавать ему сейчас какие-то вопросы казалось бестактным, хотя и очень хотелось к ним приступить. Докурив до самого фильтра и отправив его вдогонку за веточкой, тот первым нарушил молчание:

– Ну что? Поехали?

Марина пожала плечами, Генка кивнул. Оба одновременно шагнули через низкий борт лодки-корыта.

Расспросить о чем-либо лодочника не удалось. Едва Генка открыл рот, как река слева по борту отчаянно зашипела. Повернувшись на звук, он увидел, что из воды бьет паровой гейзер. Река буквально кипела! Но не вся, а лишь маленькая ее часть – почти правильный круг, не более полуметра в диаметре. Причем кипящий круг стремительно приближался к лодке. До встречи оставалось метра три, а что произойдет потом, Генке домысливать не хотелось. Да и проверять это на практике – тоже.

Лодочник заматерился и приналег на весла. При этом он судорожно вертел головой, шаря диковатым взглядом по обоим берегам. Только теперь Генка понял, что паровая аномалия на реке имеет не «внутренний» источник, что причина ее отнюдь не естественная. По реке кто-то просто-напросто палил чем-то вроде теплового луча. Цель неведомого стрелка была очевидна – лодка, тут и гадать нечего.

На составление этой логической цепочки у Генки ушло не более пары секунд, а «гейзер» извергался уже возле самого борта, обдавая сидящих в лодке горячими брызгами. Генка непроизвольно зажмурился, набрал в легкие воздуха для прощального крика, и тут лодку дернуло и потащило вперед. Он рухнул на спину, саданувшись затылком о край борта. Набранный в грудь воздух пришелся весьма кстати, но от-

нюдь не для слов прощания.

Все еще лежа на спине, Генка открыл глаза. Над ним по-земному голубело небо с легкими облачками, имевшими едва уловимый оттенок пурпура. Конечно, любоваться небесными красками ему в голову не пришло. Он по-настоящему испугался. И вовсе не за себя – собственная жизнь перестала в эти мгновения представлять для него какую-нибудь ценность, – а за Марину, за его дорогую, любимую принцессу!

Генка вскочил на ноги, едва не перевернув лодку и не свалившись в реку от упругого удара в грудь ветром. То есть это сначала ему показалось, что дует ветер. На самом деле лодка неслась с такой скоростью, что воздух сделался упругим.

Лодочник сидел согнувшись, с огромным трудом удерживая в уключинах весла, которые он поднял из воды. Воздух теперь был почти так же плотен, как вода, а скорость воздушного потока – во много раз больше скорости речного течения. Этот поток так и норовил выдернуть весла из уключин, задрать их вверх на манер крыльев, а то и вовсе унести к пурпурным облакам.

Генка, спиной предчувствуя недоброе, обернулся. Марины в лодке не было! А скорость все нарастала. Нос лодки задирался все выше и выше. Старое корыто глиссировало по водной глади, вспарывая речушку, словно свежепойманного угря. Генку отбросило и прилепило к корме. Возле самого лица, едва не размозжив голову, промелькнуло весло, вырванное-таки из рук лодочника. Генка вновь собрался за-

орать, но встречный поток воздуха не позволил даже вдохнуть. Тогда, сделав невероятное усилие, он перевернулся на живот, и лицо его нависло над водным буруном, вздымающимся из-под кормы. Рассмотреть он ничего не успел, потому что глаза мгновенно закрылись от жгучего, подобно электросварке, света, пылавшего за кормой. В зажмуренных глазах плясали зайчики, им подтанцовывала вспыхнувшая в мозгу догадка: «Это Марина! Марина!»

Однако рожденный ползать, как известно, летать не может. И корыту не суждено быть скоростным глиссером – разве что совсем ненадолго... А потом – треск, разлетающиеся в стороны доски и щепки, славная гибель бесславной посуды!

Генка продолжал лететь, но уже под водой, стремительно при этом погружаясь. Он выставил вперед руки и вскоре ткнулся ими в илистое дно. Контакт произошел уже на излете, поэтому вывихов и переломов удалось избежать. Хуже было, что перед погружением он не успел сделать вдох. Теперь легкие настоятельно требовали воздуха, грозя разорваться от нетерпения.

Генка запаниковал. Показалось, что погружение заняло целую вечность, что он находится не менее чем на двадцатиметровой глубине! На самом деле над ним было всего метра три воды. Оттолкнувшись ногами от дна, он тут же и вынырнул, ударившись головой об один из кусков несчастной лодки.

Насытив истосковавшиеся по воздуху легкие, Генка огляделся. Неспешное речное течение несло пару обломков досок и весло. Ни Марины, ни лодочника на поверхности не было. Сердце зачастило, но тут сзади раздался всплеск, а потом голос Марины:

– Помоги!..

Он быстро подплыл к ней, с трудом удерживавшей над водой голову лодочника. Глаза того были закрыты. Генка поднырнул, подхватил левой рукой мужчину за пояс, вынырнул и, подгребая правой, мотнул головой в сторону ближайшего берега. Державшая лодочника за шиворот Марина кивнула. Вдвоем они легко и быстро справились с обмякшим телом. Вытащив бедолагу на берег, Генка заметил, что из-под волос на затылке у того струится кровь.

– Его шандарахнуло чем-то... – растерянно поставил он диагноз.

Принцесса ничего не сказала. Стоя на коленях перед распластанным вниз лицом телом, принялась водить над его головой руками, словно отгоняя невидимых мух. Очень скоро кровь течь перестала. Генке даже показалось, что и дырки никакой в голове уже нет. Еще через минуту лодочник закашлял, выплевывая воду, приподнял голову и одарил Генку с Мариной взглядом, которому очень подходило определение «похмельный». Если бы Генка не общался с ним всего несколько минут назад, точно бы решил, что мужик с бодуна. Тем более смысл заданного спасенным вопроса вполне

соответствовал данному состоянию.

– Кто вы? – еле ворочая языком, спросил тот. Затем пьяно нахмурился и добавил: – А кто я?

– Ты что, напоила его? – хмыкнул Генка, удивленно посмотрев на Марину.

– Конечно, нет. Случайная реакция организма. Скоро пройдет.

– Как ты думаешь, мы далеко уплыли? – опомнившись, вскочил он на ноги и завертел головой.

– Километров пять.

– Тогда надо сматываться!.. Кстати, кто это был? – нахмурился он, соображая, и нашел ответ: – Стой, это похитители Юльки? Нет, тогда надо срочно их найти!

– Гена, погоди... – Марина, поднявшись с колен, дотронулась до его плеча. – Ты видел, что у них есть?.. Кстати, не думаю, что это они. Зачем им было нас дожидаться столько времени? Им, напротив, домой нужно как можно скорее добраться.

– А кто же в нас стрелял?

– Мало ли любителей пострелять? – пожалала Марина плечами. – Тем более в гости нас сюда никто не звал.

– Но сначала-то, вроде, гостеприимно встретили, – кивнул Генка на лодочника.

– Даже чересчур, – согласилась принцесса. – Тебе не показалось, что он тебя узнал?

– Показалось... – Генка пристально посмотрел на лодоч-

ника: – Вы меня знаете?

Лодочник нахмурился. Взгляд его уже не казался пьяным – просто недоуменным.

– Кто вы? – опять спросил он и добавил испуганно: – А кто я?

Глава 13

Здесь, ниже по течению, местность была не столь холмистой. Трава достигала почти до пояса, так что идти быстро, тем более бежать, не получалось. Правда, лес оказался совсем рядом, в полусотне метров. Лучшего укрытия от неизвестных преследователей просто не существовало. Впрочем, было ли само преследование, оставалось пока неясным. Возможно, те, кто обстрелял лодку, сделали это... ну, по ошибке, что ли, по нелепой случайности или просто так, забавы ради. Хотя ни Генка, ни Марина ни в какие случайности больше не верили. А лодочник, похоже, вообще ничего пока не соображал. Просто шел, не отставая, да озирался иногда, лихорадочно блестя глазами.

Под сенью деревьев невольно прибавили шагу, поскольку идти стало гораздо легче. Да и прохлада придавала силы. Все же примерно через час все трое начали подумывать о передышке. Особенно лодочник. Если он и забыл, кто он такой, то что такое усталость, вспомнил быстро. Начал пыхтеть все громче и натужнее, хотя и не произносил ни слова. Генка с Мариной поняли, что долго ему взятый темп не выдержать.

– Стоп! Привал! – подняв руки, скомандовал Генка и остановился.

Марина, шагавшая сзади, уткнулась ему в спину. Сладко потянулась и закинула руки на Генкины плечи. Хоть он и

устал, но стоял, не шелохнувшись, мечтая, чтобы это мгновение продлилось подольше.

Лодочник кулем рухнул на мягкий, шелковистый мох, жадно и хрипло хватая воздух широко разинутым ртом.

Принцесса убрала наконец руки с Генкиных плеч и тоже опустилась на мох, прислонившись к стволу дерева. Генка, вздохнув с сожалением, присел рядом.

Пару минут помолчали. Только шумное дыхание лодочника да легкий шелест листвы нарушали тишину.

– И что дальше? – первым не выдержал Генка.

– Надо идти к людям, – ответила Марина. – Что же еще?

– Где они тут – люди? Или ты имеешь в виду тех, кто по нам стрелял? – невесело усмехнулся Генка.

– Нет, я не их имею в виду, – осталась серьезной принцесса. – Люди, как правило, селятся рядом с водой. Ты этого не знал?

Он знал. И мысленно выругал себя за глупые вопросы. Неужели трудно хоть чуть-чуть подумать, прежде чем что-либо спрашивать? Тем не менее снова задал дурацкий вопрос:

– А в какую сторону лучше идти? – Впрочем, тут же спохватился и сам себе ответил: – Назад возвращаться бессмысленно и опасно. Мы плыли вниз по течению, значит, туда и надо топтать.

– Вниз по течению вообще идти удобнее, – согласилась Марина. – Если селений долго не будет, можно сделать плот

и плыть по реке.

– Чем его делать? – развел руками Генка.

– Придумаю что-нибудь, – подмигнула Марина, и он вспомнил, кем является сидящая рядом девушка.

– Так может ты... того? – резво вскочил он на ноги. – Следаешь и посмотришь?

– Думаю, сейчас не стоит. Если за нами и правда кто-нибудь гонится, я нас выдам.

Генка вспомнил яркий, ослепительный свет, сопровождавший ее при полете. Действительно, похлеще сигнальной ракеты. Знак преследователям: «Ау! Вот мы где!» Слепой увидит...

– Ты лучше на дерево залезь и осмотришь, – сказала Марина. – А я перекусить чего-нибудь пока соображу.

– Из чего... – начал было Генка, но опять вспомнил, что перед ним джинния.

Столько чудес свалилось за последние пару дней на его голову, что сознание, видимо в целях самозащиты, стало от них решительно отбрыкиваться. Даже то, что они сейчас отнюдь не в земном лесу, пришлось себе волевым усилием напомнить. Но цель, стоявшую перед ним, Генка хорошо усвоил: Юлька! Где она сейчас, что с ней?

А Марина? Найдет она своего принца и... что? Как же тогда он, Генка? Ведь ему теперь без нее – никак. Нет, об этом лучше пока не думать... Первым делом – Юлька! И... родители.

– Ты чего застрял? – вернул его к реальности голос принцессы. – Или боишься по деревьям лазить?

– Кто? Я боюсь?! – вспыхнул Генка.

Выбрав самое высокое дерево поблизости, он подтянулся на нижнем толстом суку, забросил на него ногу, оседлал, посмотрел вверх оценивающе, поднялся на ноги, поплевал на ладони и не очень быстро, но достаточно ловко полез к вершине.

Когда он, плохо скрывая разочарование, спрыгнул на землю, Марина уже стояла возле дерева. По его виду она все сразу поняла.

– Ничего?

– Лес, – опустил он глаза. – Место ровное.

– Ладно, пойдем вдоль реки, на всякий случай подальше от воды, – сказала Марина. – Знаешь что... – Она ненадолго замолчала. – Лодочник меня тревожит. Кто такой? Откуда взялся? Почему тебя знает... знал то есть? Почему все забыл? Слишком много неясностей.

– Ну, забыть он мог от травмы, – предположил Генка. – Такое бывает. Называется «временная потеря памяти». Слово такое есть умное – амнезия.

– Допустим, его забывчивость это объясняет. Но главные вопросы – без ответа.

– Уж не думаешь ли ты, что и лодочник с ними... с теми?

– Сомневаюсь, – задумчиво покачала головой принцесса.

– Хотя... Я пока не знаю, что и думать. Найдем селение –

будем соображать... А сейчас давай поедим!

Она накрыла неплохой стол. На чистой белой скатерти, расстеленной прямо на земле, стояли тарелки, вазы, салатницы, заполненные чем-то незнакомым и необычным, но очень аппетитным на вид.

Генка взял двузубую вилку и задумался, что бы подцепить на нее в первую очередь. Марина восприняла его замешательство по-своему:

– Не бойся, здесь все съедобное. Наши расы одинаковы по... – Она щелкнула пальцами, подбирая слово.

– Физиологии, – пришел на выручку Генка и отчего-то покраснел. – Я не боюсь – я выбираю. Не знаю, с чего начать.

– Вот это очень вкусно. – Принцесса положила на его тарелку нечто, похожее по запаху на котлету, только прямоугольной формы.

Генка попробовал. Действительно котлета! А котлеты он любил. Особенно мамины. А теперь и Маринины.

Все, что «приготовила» Марина, было очень вкусным и напоминало земные блюда: желтые шарики – совсем как жареная курица, красные ломтики и внешне выглядели как семга, рассыпчатые клубни – один в один картошка. Только красно-коричневые нити очень уж походили на червей. Но Генка, боясь обидеть принцессу, попробовал и их – вкуснятина! Типа грецких орехов с хорошим сыром.

Фрукты, точнее, их аналоги, также были великолепны. Что-то напоминало яблоки, что-то – груши, что-то – дыню;

в каждом незнакомом плоде улавливалось нечто знакомое и любимое.

В общем, наелся он до отвала, запив яства не менее вкусным напитком – чистой родниковой водой, от которой аж зубы ломило. Всякие лимонады и фанты Марина почему-то делать не стала, да оно и к лучшему.

Лодочник ел наравне с ними – аппетит у него явно не пропал. Он по-прежнему молчал.

Наконец Генка сыто откинулся на мягкий мох и сказал:

– Уф-ф! Не считая бутербродов во вчерашнем поезде, первый раз за два дня чувствую себя по-настоящему сытым.

Услышав слово «поезд», лодочник вздрогнул. Глаза его перестали растерянно бегать, взгляд ушел в себя. В мозгу мужчины зримо происходила борьба разума с беспмятством. Похоже, оккупированные захватчиком «территории» успешно освобождались. Но, к сожалению, не все. Борьба очень скоро прекратилась. Амнезия немного отступила, но не сдалась. Однако даже этой крошечной победы разума хватило, чтобы лодочник сказал вдруг:

– Поезд... здесь, рядом.

Марина и Генка одновременно вскочили на ноги и так же одновременно выкрикнули:

– Где?!

Глава 14

Большого от лодочника добиться не удалось. Он долдонил, что поезд где-то рядом, испуганно при этом озираясь. У Генки сжималось сердце при мысли о том, что речь идет о том самом поезде, на котором ехали его родители. А какие тут еще могут быть поезда? Или все-таки могут?..

Марина хмурилась, не произнося ни слова. Он умоляюще поглядывал на нее, ожидая подтверждения своей догадки. Но она не спешила.

– Куда теперь пойдём? – еле слышно спросил Генка.

– А куда ты предлагаешь? – Принцесса словно решила поиграть с ним, оставаясь при этом серьезной.

– Ну, не знаю... Надо же проверить!

– Геночка, – Марина наконец-то посмотрела на него, и он увидел, что глаза ее подозрительно блестят. – Милый мой мальчик! Ты опять за свое?

– Но ведь... поезд! – Он и сам готов был заплакать.

– Ой, Гена, – вздохнула принцесса. – Полтора года! Даже если это тот поезд... Думаешь, они до сих пор в нем? Сидят и ждут нас?

– Все равно надо проверить.

– Ну, раз ты настаиваешь... – Марина развернулась и пошла в глубь леса.

– Ты куда? Постой! – Генка рванулся следом.

– Не ходи за мной, – не оборачиваясь, подняла она руку.
– Я скоро.

Генка послушно замер. Потом подошел к лодочнику и заглянул в его сумасшедшие глаза.

– Что это за поезд? – в отчаянии спросил он еще раз. – Откуда он здесь?

– Поезд... поезд... – забормотал мужчина. И вдруг совершенно отчетливо добавил: – Адлер.

– Что?! – Генка аж подпрыгнул. – Что вы сказали?!

Но лодочник уже замкнулся в своем амнезическом мирке, со страхом взирая куда-то сквозь Генку.

А Генкина душа возликовала. Поезд, несомненно, был именно тот! Вряд ли родители находятся сейчас в нем – это он понимал и без Марининых подсказок. Но поезд был зацепкой, кончиком нити из того клубка, что рано или поздно должен привести его к цели.

К цели?.. Он нахмурился. Какой? Главная его цель – найти Юльку! Не потому ли так странно ведет себя принцесса? Ее задача – вернуться к отцу, к жениху, предотвратить новую бойню между балансирующими на грани мирами. Юльку, по большому счету, Марина взялась искать только потому, что это ей... по пути! Пока – это часть и ее проблемы, возможно, ключик к решению какой-то загадки. А Генкины родители? Они для Марины никто! Более того, они для нее тормоз, помеха. Ну, не сами родители, конечно, а их поиски, отнимающие у принцессы драгоценное время. При том что шансы

на удачное их завершение невероятно малы. Даже если они и отыщутся – что принесет эта удача Марине? Только новые хлопоты. Ясно же, что бросить его в чужом мире, пусть вместе с мамой и папой, ей не позволит совесть. Или что там еще – врожденная доброта, воспитание, правила хорошего тона?.. Генка отчетливо понял, что он со своими личными проблемами является сейчас для принцессы огромной обузой. Зачем она вообще взяла его с собой? Из жалости? Со страдания?.. Ведь помощник из него все равно никакой!

Он сжал кулаки и скрипнул зубами. Выругался под нос – что делал исключительно редко. Занятый собой, не услышал, как сзади подошла Марина.

– Ген, ты чего? По-моему, то, что ты сейчас сказал, очень плохо.

Генка резко повернулся.

– Плохо, Марина, очень плохо! Знаешь что... У меня к тебе одна всего лишь просьба: помоги только найти этот поезд! И все.

– Что – все?

– Решай свои проблемы. Забудь про меня. Может, потом как-нибудь... Вернешься, когда свою миссию выполнишь, если сможешь.

Принцесса стояла, непонимающе хлопая огромными карими глазами. Но постепенно смысл сказанного стал доходить до нее. Краска стремительно залила ее лицо, захватив даже шею.

– Да как ты... – прошептала Марина дрогнувшими губами. – Ну ты и... чивтос!

Она резко отвернулась. Плечи ее затряслись.

Генка стоял, раскрыв рот. Сначала в его голове не было ни одной мысли, они куда-то разлетелись после Марининых слов. Потом одна все же вернулась: «А ведь и правда – чивтос! Да еще какой! На букву "м", плюс оставшиеся».

Он нежно обнял Марину за плечи. Та сделала попытку отстраниться, но он не отпустил рук.

– Прости меня, Солнышко... Слышишь?

Принцесса всхлипнула тихонечко и удивленно-радостно:

– Как? Как ты сказал? – Плечи ее все еще мелко вздрагивали.

– Солнышко... Самое яркое, самое светлое, самое теплое, самое родное. Потому что я... – Он почувствовал, как Марина напряглась. – Потому что я тебя...

Она повернулась так быстро, словно отклонялась от выстрела. Ее ладонь стремительно зажала Генкин рот.

– Нет! Нет! Не говори! – Маринины глаза расширились от ужаса. – Не говори! Прошу! Не надо!

Генка опешил. Он ничего не понял.

А Марина молчала. Даже отвела в сторону взгляд. Почему-то не хотела помочь Генке что-то понять. Видимо, ей было нужно, чтобы он сделал это сам.

Он не смог. Но и перечить ей не стал. Осторожно снял ее ладонь с губ и сказал:

– Извини.

Принцесса чиркнула взглядом по его глазам. Прочла в них что-то, и тень досады мелькнула на ее лице – всего на мгновение. Потом она снова стала деловой и серьезной.

– Я знаю, где поезд, – чуть хрипло сказала она.

Почему-то это сообщение не обрадовало Генку. И все же сам собою вырвался вопрос:

– Где?

– Рядом. Меньше километра отсюда.

– Как ты узнала?

– У меня есть некоторые способности, – слегка улыбнулась Марина.

– Но ты же вроде никуда не летала?

– А зачем? Металл в больших количествах я чувствую издалека.

– Это может быть какой угодно металл... – разочарованно проговорил Генка.

– Когда близко, я чувствую и очертания. Это именно поезд.

– Тогда идем? – предложил он.

– Идем, – согласилась Марина. – Тем более поезд все равно в той стороне, куда мы направляемся.

Идти пришлось действительно недолго – минут десять-пятнадцать. Поезд предстал перед ними неожиданно. Зеленые вагоны в густом зеленом лесу издалека заметить

трудно. Даже если ждешь, что они вот-вот должны показаться. Так что Генка вздрогнул, когда их увидел.

Поезд стоял посреди леса – что само по себе выглядело нелепо и дико. К тому же казалось, будто он только и ждет отправления!..

Лишь подойдя ближе, Генка заметил, что и ржавчина за полтора года оставила следы, и стекла не везде целы, и колеса до половины вросли в густой мох. Кабина локомотива вообще была покореженной и смятой – видимо, не одно дерево протаранил тепловоз железным лбом, пока остановился, на треть зарывшись в землю.

Генке не терпелось пройти по вагонам. Он даже взялся за поручень и занес ногу над ступенькой, но Марина сказала:

– Подожди, Гена.

– Чего ждать? – не понял он, однако ногу опустил.

– Подожди... – Принцесса, казалось, и сама не знала, что ее тревожит.

Зато лодочник улыбался во весь рот. Он смотрел на вагоны с почти детским умилением. Подошел к одному из окон, поднялся на цыпочки, заглянул внутрь. Двинулся дальше вдоль состава, дошел до четвертого вагона и вошел в него.

– Гена, давай отойдем, – прошептала Марина.

– Ты чего? – тоже шепотом удивился он.

– За нами кто-то наблюдает, я чувствую.

Глава 15

Наблюдателями оказалась пожилая, лет под шестьдесят обоим, пара. Как позднее выяснилось, муж с женой. Они спрятались в кустах, испугавшись незнакомцев, пока не узнали в одном из них лодочника.

– Станислав! – раздалось из кустов, и перед Генкой с Мариной предстали мужчина и женщина. Поглядывая на них искоса, они подошли к лодочнику, вынырнувшему из вагона, и принялись радостно, хотя и несколько сдержанно, обнимать его и хлопать по спине и плечам.

Лодочник, впрочем, хмурился, никак не отзываясь на проявление дружеских чувств.

– Стас, ты чего? – заметил его окаменелость мужчина. – Это же мы, Степановы, Павел с Катериной! Ты что, не узнаешь нас?

– Павел... – задумчиво произнес лодочник, и в глазах его промелькнул осмысленный огонек. Но тут же потух, и мужчина остался стоять, безвольно опустив руки.

Тогда назвавшийся Павлом повернулся к Генке с Мариной. Был он невысок, худ и небрит, но одет вполне прилично – в сравнительно новый спортивный костюм.

– Э-э... Люди добрые, что это с ним? – мотнул он головой в сторону лодочника.

– Похоже, временная потеря памяти, – ответил Генка. –

Он вез нас на лодке, когда случилась... некоторая неприятность.

– На нас напали, – лаконично уточнила Марина.

– Бандиты? Или полиция? – поинтересовался мужичок, и сам же ответил: – Впрочем, разницы между ними пожалуй что и нет. А вы кто будете?

– Мы заблудились, – потупился Генка, поскольку врать не любил. Но в его словах в общем-то пока особой лжи и не было, так что он приободрился, решив говорить правду, но не всю. – Мы были на Земле, а потом оказались здесь... Это ведь не Земля?

– Точно, не Земля, – сощурился Павел. – А с какого места на Земле вы сюда прибыли?

Генка заметил, что и женщина внимательно слушает их разговор, оставив на время несчастного лодочника. Видимо, от правдивости Генкиных ответов для этой пары зависело многое. Да и как иначе, когда вокруг и бандиты вон бродят, и полиция какая-то... Да и не просто бродят, а прицельно стреляют! Поэтому Генка сосредоточился и сказал:

– Если быть предельно точным, то из тоннеля, что поблизости от станции Индюк. Это в Краснодарском крае, недалеко от Туапсе.

Ответ обрадовал Павла с Катериной. Они облегченно переглянулись и заметно повеселели.

– Ну, здорово, земляк! – протянул мужичок руку. – Меня, как ты слышал, Павлом зовут. А это жена моя, Катерина

Степанова.

Женщина, такая же низенькая, как и супруг, только гораздо полнее, дружелюбно кивнула и перевела взгляд на Марину.

– Марро... – начала девушка, но быстро поправилась: – Марина. Очень приятно!

– Что ж мы стоим? – вскинулась Катерина. – Пойдемте в дом, поговорим по-людски, пообедаем.

– Точно, пойдем-ка! – хлопнул Павел Генку по спине. – Я как раз зайца подстрелил... О! А заяц-то где? – завертел он головой.

Катерина раздвинула куст, где они с мужем недавно прятались, и достала окровавленную тушку зайца не зайца, но животного, очень на него похожего. Только уши гораздо меньше. Затем оттуда же появились луки – самые настоящие, как у индейцев.

– Вы что, с помощью луков охотитесь? – удивился Генка.

– А как еще-то? – хмыкнул Павел. – Огнестрельного оружия не имеем, а бластеров-шмастеров нам и даром не надо.

– А что, есть? – еще больше удивился Генка.

– В городе есть, – неопределенно кивнул мужичок. – Да кто даст? И не надо нам, от греха! – сплюнул он. – Ладно, пошли, там все расскажу.

Супруги повели Генку, Марину и лодочника Станислава в вагон-ресторан.

– Пока Катерина с зайцем управляется, мы и поговорим, и

горло промочим, – шепотом, косясь на удаляющуюся супругу, пояснил Павел, усаживая гостей за покрытый чистенькой скатертью столик.

Генка огляделся. Вагон-ресторан был самым обычным – с цветными занавесками на окнах, скатерками на столиках и даже с зелеными веточками вместо цветов в вазах. В окнах шелестела на ветру листва и казалось, что стоит поезд на глухом полустанке, что прозвучит сейчас гудок и состав тронется дальше. Даже пахло в ресторане, как и полагается, едой – видимо, готовили и столовались супруги именно здесь. Павел отлучился ненадолго в подсобку и вынырнул оттуда с бутылкой водки в одной руке и вина – в другой.

– Осталось еще, – гордо сказал он. – Катерина много-то мне не дает расслабляться.

– А... другие? – задал Генка волновавший его вопрос. Но Павел понял его по-своему:

– Кто ушел, и не подумав про выпивку, кому, видать, без надобности было, а с остальными мы поделились по-братски, по-божески. Да только...

– Что – только? – подскочил Генка. – А куда ушли те... ну, кого вы первыми назвали?

– В город, наверное. Никто не вернулся. Вот, Стас только. По правде сказать, окромя города, тут и уйти некуда – леса кругом да болота еще, где всякая нечисть водится. Раз дошел и я до одного болота. Километров тридцать брел... – Павел в слове «километров» сделал ударение на втором слоге. – А

там...

– Пойдите, можно про болото в другой раз? – перебил мужичка Генка. – Вы про людей лучше расскажите и про город... Но сначала про людей.

Павел насупился, обидевшись, что его перебили, подчеркнуто молча крутанул водочную бутылку, в которой зазмеился бурунчик, неспешно откупорил ее, стал разливать по рюмкам – себе, лодочнику, Генке...

– Нет-нет, мне вино! – испугался Генка, вспомнив недавнее знакомство с водкой. – А лучше лимонад.

– Вот уж чего нет, того нет, – все еще хмурясь, сказал Павел. – Лимонад – продукт скоропортящийся, потому выпит давно. А вино сам открывай, не маленький. И жене своей налей тоже.

Сначала Генка не понял, о ком это мужичок, а когда до него дошло, вспыхнул до корней волос, испуганно глянув на Марину.

– Давай-давай, муженек, – улыбнулась та. – Открывай и наливай.

После первой рюмки обида Павла моментально улетучилась, и он оживленно повел рассказ дальше. По его словам выходило, что значительная часть пассажиров сразу после случившегося отправилась искать людей. Никто ведь не понял, что оказались они на другой планете. Думали вначале, что поезд просто сошел с рельсов и улетел в лес. Правда, ку-

да делся тоннель и сами рельсы – оставалось загадкой. Но все надеялись, что ничего особо ужасного не случилось, что стоит дойти до станции, которую только что проехали, сообщить кому следует о происшествии – и все образуется... Станция не нашлась. Тоннель и рельсы – тоже. Самое страшное, даже не будучи ботаниками, все быстро поняли, что лес не совсем нормальный. Про другую планету тогда еще никто не думал – больше про неизвестную страну говорили. То, что росло в этом лесу, в России точно никогда не произрастало, даже с учетом южных ее окраин.

Многие из тех, кто уходил, не возвращались. Поначалу это пугало оставшихся. Думали сразу о плохом: или о диких зверях в лесу, или о лихих людях... Первое опасение не подтвердилось, когда все-таки вернулась одна из групп – человек десять. Они неделю плутали по лесу, дошли до болота, о котором уже упоминал Павел, но ничего из живности крупнее «зайцев» им не попало. Правда, на болоте они сначала встретили привидение, а потом... пингвинов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.